

Алекс
Экслер

Записки невесты программиста

ЭКС-ПРОМТ

Алекс Экслер
Записки невесты программиста
Серия «Забавные дневники»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122225

Аннотация

«Записки невесты программиста».

Легенда и культ отечественной Сети.

Интернет-бестселлер, в нашей стране играючи побивший по популярности «Wasp Factory» Йэна Бэнкса.

Как укротить странное создание по имени «компьютерщик», за уши дотащить его до алтаря – и при этом не свихнуться?

Девушки!

Не пытайтесь повторить это дома!

Алекс Экслер

Записки невесты

программиста

И черт меня дернул выйти за него замуж!

Ведь сама – не дура! Не уродина! И поклонниками не была обижена. Даже совсем наоборот, вились вокруг косяками. Я его, наверное, поэтому сразу и заметила на той вечеринке. Все мужики вокруг меня так и скачут, приносят шампанское, суют конфетки, приглашают потанцевать. А Сережа как пришел, так сел на диван, поставил перед собой с десяток бутылок пива и стал их по очереди осушать, думая какую-то свою думу. На меня не обратил ни малейшего внимания.

Я сначала подумала, что он – секретный физик. Такое же загадочное выражение лица, встрепанные волосы и небрежность в одежде. Представляете, вообще не посмотрел в мою сторону! Меня это так возмутило. Сначала я в пику ему стала всю флиртовать с поклонниками, ходила танцевать, один раз даже сбила юбкой бутылку пива ему на колени. Так он и в этом случае на меня не посмотрел. Поднял глаза на хозяйку квартиры и говорит: «Лена, мне бы произвести процесс дегидратации штанов». Лена долго пыталась понять – что она должна сделать с его штанами, но потом сообразила,

увела Сережу в ванную, откуда он вернулся в штанах ее мужа-культуриста.

Главное, любой бы засмутился, находясь на вечеринке в штанах на пять размеров больше. А этому – все по-барабану. Взял еще пива, попросил бумажку с ручкой и стал что-то быстро писать на листочке.

Тут я уже сама не выдержала. Подсела к нему и говорю:
– Вы извините, Сергей, что я на вас случайно бутылку пива опрокинула.

– Что? – отвечает он. – Я не расслышал. Я отвлекся.

– Извините, – ору во весь голос, – что бутылку пива вам на штаны опрокинула!

– Это не страшно, – говорит. – Я сам частенько пиво на одежду проливаю. Главное – клавиатуру не залить. Поэтому кружка или бутылка ставится подальше, на край стола, и тут всякие неожиданности могут быть. Я уже привык.

– А кем вы работаете, – спрашиваю.

– Сисадмином и программмером, – отвечает он.

– Понятно, – говорю я, ничего не понимая. – А что такое – сисадмин?

– Сiju в конторе на сетке. Сетка, правда, барахло – коаксиал. Но они там все жмутся на витую пару. А у нас представляешь – двадцать пять компов! Вот как тут работать на последовательном соединении? Как уборщица шваброй где-нибудь по кабелю шваркнет, так и приходится как пчелке кокосовой по всему офису лазить.

– Да, уж! Во дела! – соглашаюсь я. – А на сетке сидеть удобно? Может просто кресло какое-нибудь поставить?

– Да ты не въезжаешь, – сердится Сергей. – Я же администрированием занимаюсь. Разделение доступа, то, да се. Секьюрити, там, всякие.

– Так ты в секьюрити администратором работаешь! – наконец догадалась я.

– Нет, ну как с тобой разговаривать? – вконец обозлился Сергей. – Я же сразу сказал, что работаю сисадмином. Это системный администратор! Поняла?

– Поняла, поняла, ты не волнуйся, – торопливо ответила я. – В каждой фирме есть своя система работы. Ты в этой системе работаешь администратором. Правильно?

– Ну, типа того, – махнув рукой, согласился Сергей.

Я, чтобы разрядить обстановку, пригласила его потанцевать. Тот сначала долго не соглашался, заявляя, что в последний раз танцевал еще до изобретения компьютеров, но потом, все-таки, уломался. Во время танца он непрерывно говорил, но я понимала максимум одно слово из двадцати. Несколько раз прозвучало слово «карта», из чего я заключила, что парень не дурак поразвлечься. Один раз он употребил слово «порт», из которого можно было понять, что его профессия как-то связана с морем. Термин «кабель» указывал на то, что он имеет отношение к электричеству. Короче, такой загадочный парень оказался – это что-то.

Под конец танца он настолько раздухарился, что долго

изображал на столе с помощью бутылок, банок и столовых приборов какую-то странную структуру, которую назвал «Схемой роутинга почты в нашей сетке». Из чего я поняла, что он также имеет какое-то отношение к почтовому отделению. Видимо, по утрам подрабатывал разноской почты.

Честно говоря, я давно хотела познакомиться с таким парнем. Сколько профессий, и это все в одном человеке. Да и не чурается такой тяжелой работы, как разноска почты по утрам. Да и как человек он был довольно симпатичен, особенно если его отмыть и более-менее прилично одеть. Но даже и в таком виде он мне нравился. Целеустремленный, погруженный в себя взгляд, отрешенность от быта, высокий лоб, почти скрытый за спутанными волосами. Он совсем не походил на этих лощенных придурков, моих поклонников.

В тот момент я и поняла, что это тот, кого я искала всю жизнь. Привести его в божеский вид я и сама смогу, ибо зачем еще нужны женщины, как не для того, чтобы управлять мужчиной? А там уж постараюсь, чтобы он стал совсем известным ученым, академиком, буду варить ему борщи и ездить с ним в дома отдыха для особенно ценных работников. Если уж парень в свои двадцать с чем-то лет ведет себя как настоящий академик, то что же будет в тридцать-сорок? Нобелевская премия, не меньше.

Все это проносилось в моей голове, пока Сергей непрерывно что-то бормотал. Вид у него был совсем одержимый. Волосы всклокочены, глаза горят, пару раз он меня доволь-

но ощутило ткнул кулаком в бок, объясняя работу какого-то «гейта». Боже, он еще и к авиации отношение имеет! Просто какая-то ходячая энциклопедия, а не человек.

Короче, я влюбилась. Попросила проводить меня домой. Пыталась поговорить с ним о литературе. Оказалось, что он довольно начитан, потому что часто ходит в «библиотеку Мошкова». Я спросила – что это за библиотека, и намного ли она меньше Ленинской. Оказалось, что Ленинка с этой библиотекой даже рядом не стояла. Я так поняла, что она где-то на другом конце Москвы. Потом рассказала ему несколько свежих анекдотов, но он заявил, что все их давно уже слышал от профессора Вернера. О! Точно! Я не ошиблась в том, что Сергей вращается в самых высоких научных кругах.

По пути нам встретился какой-то молодой человек, который по форме одежды был сильно похож на Сергея. Но оказалось, что он – иностранец, потому нас приветствовал словами: «Хай, пипель!». И тут я поняла, что Сергей в совершенстве владеет английским, потому что он с этим иностранцем с легкостью проговорил минут пять. Они обсуждали какой-то «Рулез», который был «полный кул», и что «мастдаище – сакс полный». Умные ребята. Я сразу дала себе клятву изучить в ближайшее время английский, чтобы не выглядеть полной дурой на их фоне.

Наконец, они договорили, Сергей проводил меня до подъезда и быстро распрощался, заявляя, что ему сегодня еще «NT патчить». Видали? Даже поцеловать меня не попытался

на прощанье. Со мной это просто первый раз в жизни. Вот выдержка у парня!

Разумеется, я его заставила записать мой номер телефона, потому что он сам его попросить не догадался. На всякий случай, сама взяла его номер, но дома, когда открыла бумажку, увидела там только: «207A7A». Хорошо еще, что у отца на работе, в отделе математических методов, сумели расшифровать эту белиберду.

И знаете, этот негодяй мне не позвонил ни на следующий день, ни через день. Со мной это просто первый раз в жизни. Обычно поклонники чего только не делали, чтобы заполучить номер моего телефона. А уж если его получали, то трезвонили с утра до вечера так, что только трубка дымилась. А этот...

Я дня три выдерживала характер, но потом не выдержала и позвонила сама. Весь день было занято. Наконец, на следующий день с двадцатой попытки оказалось свободно. Там сняли трубку, но в ответ раздался какое-то мерзкий писк, похожий на ответ факса. И так продолжалось несколько дней.

Но меня уже за живое взяло. Надоели всякие поклонники-мажоры, хотелось любви умного и интересного человека. Пробовала ему факс отправить, но тоже не получилось. Наконец, я как-то не выдержала и в ответ на гнусный писк факса стала кричать в трубку: «Сере-е-е-ежа! Выключи свой проклятый факс!». И тут – о чудо! – я вдруг услышала ЕГО ГОЛОС. Он недовольно поинтересовался «какой козел зво-

нит в нерабочий промежуток его борды».

– Сергей, – говорю, – это Ирина.

– Какая Ирина? Ник у тебя какой?

– Нету у меня никаких ников, – отвечаю. – Я единственный ребенок в семье.

– А мы где с тобой познакомились? – спрашивает он. – В чате или через Аську?

– Мы с тобой познакомились через Ленку. На ее дне рождения. Неужели не помнишь?

Он еще минут пять что-то там раздумывал и вспоминал (эти ученые – такие рассеянные), но потом, наконец, припомнил. Вообще, конечно, тяжело с ним было общаться. Не могу же я из него клещами вытягивать приглашение в гости или на прогулку. Остальных поклонников за язык тянуть не приходилось; приглашения сходить в кино, на концерт, в театр, в гости, на природу и так далее, сыпались как из рога изобилия. А этот все мямлил, что готов со мной встретится сегодня с 21 до 22 на канале «Кроватка». На каком, к черту, канале? У нас же не Венеция. Наконец, договорились встретиться у меня дома в пять вечера, так как предки очень кстати собрались отвалить в театр. Повесила трубку и подумала, что уж сегодня-то точно влюблю в себя этого парня.

Половину дня потратила на приведение себя в полную боевую готовность. Даже одела воздушную белую кофточку, которую обычно надеваю не раньше, чем через пару недель знакомства. Приготовила ужин, поставила на стол бутылку

французского вина. В пять его не было. В полшестого – тоже. Я разозлилась, ужас просто. В первый раз со мной себя так ведут. Наконец, около шести раздается звонок в дверь. Открываю... Надо же! Он себя в порядок привел. Волосы собрал в хвостик, одел чистую майку с надписью по-инострannому «Виндوزه – маст дай», принес в подарок горшок с засохшей геранью и авоську с пятью бутылками пива. Ладно, думаю, я его еще в чувство приведу.

Только хотели сесть за стол, как вдруг Сергей увидел в гостиной отцовский компьютер.

– Твой комп? – спрашивает.

– Это отцовский. Он его включать не разрешает. Потом, там все равно запаролено.

Сергей пробурчал что-то про какого-то Митника, не спрашивая включил компьютер и забарабанил по клавишам.

– У тебя отец, – опять спрашивает Сергей, – под мастдаем работает?

– Неа. Он под министерством обороны.

– Оно и видно, – саркастично говорит Сергей. – Граница на замке. Пароль из слова «password» – это круто. Передай своему папаше, что он хоть бы ради приличия пароль сделал посложнее.

– Он сначала нашу фамилию в качестве пароля поставил, – объясняю я. – Но ему в отделе защиты информации объяснили, что такой пароль легко подобрать.

– Ага, понятно, – говорит он. – Ой! Что это? Твой отец

РАБОТАЕТ В ЛЕКСИКОНЕ?

– Вроде, да, – неуверенно отвечаю я. – А что?

– Скажи спасибо, что дети за отцов не отвечают, – говорит Сергей. – Иначе я бы ни на минуту в таком доме не остался!

Подумаешь, какой он нервный. Ладно, оторвала я его от компьютера и усадила за стол. От вина Сергей отказался, говоря, что пьет только пиво. Салат по-римски съел с таким безразличием, как будто это был обыкновенный винегрет. А я его, между прочим, часа два готовила и все пальцы себе изранила, пока сумела натереть полагающееся количество сыра.

И главное, никак не можем найти общий язык. На все мои вопросы отвечает что-то непонятное или научное. Сам у меня ничего не спрашивает, только смотрит куда-то в сторону и все время о чем-то напряженно раздумывает. Вот, к примеру, спрашиваю:

– Сергей! А какие фильмы тебе больше всего нравятся?

– Дивиди, – отвечает. – Мпег – фигня полная.

А я этот «Дивиди» и не смотрела. Даже и не знаю – кто там играет. Попробовала музыкой поинтересоваться, те же проблемы. Ну не слышала я группы: «Рилаудио» и «Винамп». Короче, налицо явная интеллектуальная пропасть. Даже игры у нас разные. Хотела предложить ему поиграть в «города», «буриме» или фанты, так он заявил, что играет только в стратегии и «Анрил». Все остальное, говорит, для детей. Я даже обиделась, но он этого, по-моему, не заметил.

Ну, думаю, надо пускать в ход тяжелую артиллерию. Усадила его на диван, села рядышком, призывно нагнулась к нему и шепотом спрашиваю:

– Сергей! А что ты любишь больше всего на свете?

– Юникс! – отвечает этот негодяй, глядя на мою грудь.

Ну что мне с ним делать? А?

* * *

Дождалась! Наконец-то! Сережа пригласил меня к себе домой. Чтобы, как он сказал, показать «берлогу одинокого программера» Опять красилась и штукатурилась часа три. Долго думала – чего с собой принести. Остановилась на бутылке хорошего вина и тортике.

Пришла за полчаса до назначенного времени, долго бродила у подъезда, подвергаясь огню перекрестных взглядов бабулек на лавочке. Те сначала только тихонько перешептывались, но когда я прошла мимо них раз в десятый, самая противная на вид старушка не выдержала и елеинным голоском спросила:

– К кому пришла, красавица?

– К Сергею из 14-й квартиры, – сообщаю. Я всегда с бабульками вежливо разговариваю. А чего их злить понапрасну? Сама когда-нибудь такой же буду.

Тут с бабульки сразу слетел елеинный тон.

– К Сереге? Из 14-й? Такая видная девушка? Он же псих

ненормальный!

– Почему это псих? – обиделась я. – Он ученый. Занимается всякими научными изысканиями.

– Вивисектор он, прости Господи! – вмешалась другая старушка. – По ночам кошек мучает. Ну, ничего! Скоро его опытам конец придет. Мы участковому уже сообщили.

– Вы, бабуль, чего-то путаете, – объясняю я. – Он же не биолог. Сергей со всякой электроникой возится. Он этот... как его... компьютермен. Вот.

– Компьютерман? – спрашивает первая бабка. – Это ты чего-то путаешь. Фамилия у него какая-то простая, русская.

– А ведет себя как масон какой-то, – все сердится вторая бабка.

– Ладно, – говорю, – мне уже идти пора.

– Иди, деточка, – с жалостью посмотрев на меня, сказала первая старушка. – Ты, если что, кричи. Мы здесь на посту будем. Сразу милицию вызовем.

– Мерси, – говорю. – Но я вас уверяю, что ничего страшного не случится.

Поднялась на четвертый этаж, нажимаю кнопку звонка и тут же роняю торт на пол, потому что из-за двери раздается жуткий голос:

– Incoming chat request!

Тут Сергей открывает дверь и говорит:

– Асепт. Come in.

– Сереж, – спрашиваю я, – а чего, нормальный звонок по-

ставить нельзя? Я же от этого вопля торт на пол уронила. Хорошо еще, что не бутылку.

– Нормальный – не интересно, – рассеяно отвечает он, разглядывая этикетку на бутылке. – Потом, на обычный звонок я не всегда реагирую. А на этот сознание четко срабатывает. По поводу торта не беспокойся. Я торты не пью. Вино, кстати, тоже не очень уважаю. А чего, пива в киоске не было?

Ну и нахал же он. Я ему, видите ли, пиво должна принести.

– Может тебе еще и пол помыть? – спрашиваю с максимальной долей сарказма.

Глаза у Сергея радостно загорелись:

– Ну, если тебе не в лом, тогда было бы здорово. А то я уже и забыл что там постелено: линолеум или паркет.

Я аж дар речи потеряла от подобной наглости.

– Слушай, а чего мы в дверях стоим, – засуетился вдруг Сергей. – Прошу в мое скромное обиталище. Только предупреждаю, у меня не до конца прибрано.

Я гордо отодвинула его рукой в сторону и вошла в квартиру.

Боже мой! Это называется – не прибрано? Картина напоминала взрыв динамитной шашки в цистерне с макаронами. Я такого давно не видела. Нет, конечно я догадывалась, что настоящие ученые живут в некотором беспорядке, но кот, дрыхнувший в аквариуме, носки, висящие на люстре, груда грязной посуды, засыпанной стиральным порошком, лежа-

щая в огромном тазу посреди комнаты – это было уже слишком.

– Слушай, – говорю, – а ты вообще здесь когда-нибудь убираешься?

– Здравсте, – обиделся Сергей. – Я к твоему приходу полдня скреб и драил. Даже монитор пивом протер. Ты бы видела, что здесь с утра творилось.

– Мда-а-а, – только и сказала я. А что еще можно было на это сказать?

– Ладно, – говорит он. – Прошу к столу. Я на ужин две банки консервов приготовил. Лосось, между прочим. И бутыл очаковского со вчерашнего дня в холодильнике прохлаждается. Веришь ли, всю ночь терпел, но так ее и не раскрыл.

– Герой, – презрительно говорю я и отправляюсь на кухню.

Там ждет очередной сюрприз. На кухонном столе вольготно разлеглась груда всяких электронных железок. Даже стакан некуда поставить.

– Ну и куда прикажешь садиться? – спрашиваю. – Может быть, снимешь со стола эту гадость?

– Ты чего, Ир, – пугается он. – Это же сборочный стенд. Я тут компьютеры собираю. Мне это все девать некуда. Целый день подбирал комплектующие из груды барахла, которое в ящике валяется. Еле подобрал.

– А где ты ужинать предлагаешь? – возмущаюсь я. – На полу?

– Зачем на полу? Можно на тумбочке у плиты. Стоя. Я же сидя работаю, вот поэтому использую каждую возможность, чтобы постоять.

– Ну и нахал же ты, братец, – возмущаюсь я. – Черт знает что. Приглашаешь девушку на ужин, а у тебя даже сесть негде. Ну, ничего! Я сейчас сама здесь порядок наведу, – и решительно начинаю сгребать компьютерные железки в здоровенный пакет, который нашла под столом.

– Ир, Ир, ты это, осторожнее, – взмолился парень. – Да легче бери, симы же ломаешь. Ой! Осторожнее! Кулер не погни!

Нет, с этим парнем явно надо что-то делать. Какой-то он дикий совсем. С другой стороны, мне даже интересно стало. Уж если этого пряника сумею в чувство привести, значит я просто супер.

Освободила стол, поставила на него бутылку с вином и сплюснутый тортик. Сергей перочинным ножом открыл две банки консервов и шикарным жестом выставил на стол пластмассовую бутылку пива «Очаковское специальное»

– Давай бокалы, – команду я.

Он с готовностью кидается к мойке и приносит два граненых стакана.

– Это что? – недоумеваю я. – Бокалы? Для вина?

– А чего? – Сергей даже растерялся. – Ну, если хочешь, можно для вина чашки взять. У меня, по моему, еще не все разбились.

– Да ну тебя, – безнадежно машу рукой в его сторону. – Будем лучше из граненых стаканов. Как два бомжа в подьезде.

– Ир, ну чего ты завелась? – канючит Сергей. – Ты же знаешь, мужик, когда один живет, приобретает жуткие холостяцкие привычки. Но я не безнадежный. Вот вчера, к примеру, даже окно в комнате помыл. А то оно от сигарет совсем черное было. Теперь через него даже солнце можно увидеть. В ясный день, конечно.

– Ладно, – говорю. – За что пить будем?

– За то, чтобы он сдох! – торжественно говорит Сергей. – Я всегда за это пью.

– Кто?

– Как это – кто? Билли Гейтс, конечно.

– А что он тебе такого сделал?

– Как это – что? Майкрософт виндоуз он мне сделал.

– Ну?

– Что ну? – возмутился Сергей. – Тебе этого мало?

– Давай лучше выпьем за мир во всем мире, – предлагаю я, чтобы его не заводить.

– Давай, – соглашается он. – И чтобы он сдох.

Сидим. Пьем и роемся гнутыми вилками в банках с консервами. Разговор как-то не клеится. Сергей все время думает о чем-то своем, периодически улыбаясь, а я все пытаюсь его разговорить, но как-то не очень хорошо получается.

– Сереж, – говорю, – а что если у тебя тут порядок ка-

кой-нибудь навести? Удобнее же работать будет.

– Ты чего? – подозрительно смотрит он. – Мне и так удобно. Знаю я этот порядок, когда все по шкафам рассовывается и ничего потом найти нельзя.

– А у тебя все по полу разбросано, – спорю я. – Неужели так удобнее?

– Конечно удобнее. Все же на виду.

– А ходить как?

– Осторожно, – злится Сергей. – Я тут каждый день хожу, и все в порядке.

– А вот, к примеру, – интересуюсь я, – если потанцевать захочется?

– Это еще зачем? – спрашивает он.

– Ну, как это зачем? Потанцевать, как люди танцуют.

Парень смотрит на меня с недоумением:

– А зачем?

– Сереж, ну ты чего? Вот пришла к тебе девушка в гости. Хочет с тобой потанцевать. А где тут это можно сделать? По полу всякие железки разбросаны. Не на шкафу же танцы устраивать?

– У меня тут не танцплощадка, – важно заявляет он, – а рабочий кабинет.

Тьфу ты! Совсем непрошибаемый парень. Ладно, попробуем по-другому.

– Сереж, – говорю я. – Может быть ты просто музыку включишь? Где у тебя магнитофон?

– Музыку – это можно. Только магнитофона у меня нет. Нам магнитофон не нужен, при живом-то компе. Пошли в комнату.

Идем в комнату, осторожно обходя железки, валяющиеся на полу. На столе у Сергея стоит компьютерный телевизор (монитор, по-моему, называется), клавиатура, четыре пепельницы, чашка с умирающим уже неделю чаем и кружка для пива. А на стене прибита какая-то здоровая зеленая пластинка, в которую воткнуты пластинки поменьше. От них во все стороны топорщатся провода. Интересно, что это такое?

– Сереж, – говорю, – а где твой компьютер?

– Да вот же он, – объясняет Сергей. – К стене приколочен.

– Подожди, – не понимаю я, – компьютер – это такая серенькая коробочка с лампочками. А у тебя на стене какие-то обломки телевизора. Я думала, что это или антенна такая новомодная, или просто абстрактная скульптура.

– Ир, – спрашивает он. – Ты правда такая непонятливая, или просто под дурочку косишь? Это компьютер на стене висит. Он просто без корпуса, чтобы охлаждался лучше.

– А почему без корпуса и на стене?

– Для прикола.

– Ага, – говорю, – поняла. Смешно.

Сергей тем временем вставил CD-диск в какую-то коробку, лежащую на столе, и действительно заиграла музыка. Наконец-то.

– Сереж, – говорю я. – Может быть мы на диван присядем?

– Легко, – отвечает он.

Я стильно сажусь на диван, и тут квартиру прорезает мой дикий вопль. Потому что села я на очередную компьютерную железку, которая очень больно впилась мне в... ну, туда, чем обычно садятся. А я еще, дура, брючки тонюсенькие одела.

– О! – обрадовался Сергей. – Видеокарта. Я ее уже три дня ищу. А ты чего орешь-то? Видеокарты ни разу не видела?

Думаю, залепить, что ли, ему этой видеокартой? Он, видите ли, ее три дня ищет. А я теперь три дня садиться не смогу.

– Очень рада, – саркастично говорю я, – что помогла тебе отыскать этот ценный предмет. Может быть еще что-нибудь найти? Ты не стесняйся.

В этот момент опять раздался жуткий голос, символизирующий звонок в дверь.

– Это еще кто? – подозрительно спрашивает Сергей.

– Конь в пальто, – отвечаю. – Откуда я знаю. Твоя же квартира.

Парень пошел открывать и вернулся с участковым милиционером.

Тут я все поняла. Бабки снизу были начеку и мой крик восприняли как просьбу о помощи.

– Ну, и что тут происходит? – подозрительно спрашивает участковый (молодой, кстати парень). – Изнасилование?

– Хуже, – отвечаю я. – Садистские действия чистой воды.

Молодую девушку посадили на игольчатую железку. А я йогом стать вовсе не собиралась.

– На какую? – интересуется милиционер.

– Вот на эту, – показывает Сергей.

– Вижу, – говорит участковый. – Matrox Millenium восьмимеговый. Надеюсь, не треснула? А то глюков потом – не оберешься.

– Да вроде, живая, – отвечает Сергей. – Впрочем, сейчас можно проверить, – и отправляется вставлять железку в свою абстрактную скульптуру.

Милиционер, между тем, рассматривает какую-то черную коробку с красными лампочками, которая лежит на столе.

– Курьер эврисинг? – уважительно интересуется участковый.

– Разумеется, – отвечает Сергей. – На барахле не работаем.

– А у меня все Зюхель старенький пашет, – жалуется милиционер. – Никак не соберусь поменять на что-нибудь приличное. Зарплаты у нас – сам понимаешь.

– Ты бы к Додонову съездил, – советует Сергей. – У него всегда можно что-нибудь недорогое купить. А Зюхель лучше предать быстрой и лютой казни, чтобы он не мучался.

– Это как? – интересуется участковый. – Законнектить его на сутки на 300 бод без нифига?

– Ну ты и зверь! – поражается Сережа. – Достаточно просто утопить его в ванной. Предварительно включив в розет-

ку, конечно.

– Хорошая мысль, – соглашается милиционер. – А у тебя в аське ник какой?

– Stranger. А у тебя?

– У меня – вполне интуитивный, – отвечает участковый. – Мент.

– А я тебя помню, – радостно заявляет Сергей. – Мы с тобой в Кроватке схлестнулись на предмет пиратских сидюков. Ты еще ко мне обещал наряд омона прислать, когда IP адрес вычислишь.

– Ага, – радуется милиционер. – Приятно встретить родственную душу.

И тут они начали сыпать такими терминами, что у меня просто уши завяли. Крутые парни. Встречаются в кровати, а потом наряд омона высылают. Что творится на этом свете?

– Кхмм, – сказала я.

– Чего тебе? – недовольно оторвался от беседы Сергей.

– Прошу прощения, что беспокою, но должна заметить, что в этом доме находится девушка, которую пригласили на ужин. И что эту девушку накормили рыбной консервой, а потом ей в зад всадили какую-то компьютерную мерзость. И что если некий молодой человека не оторвется от своих воспоминаний о том, как ему в кроватку прислали отряд Омона, эта девушка отдерет со стены компьютерные кишки и вдарит молодому человеку по ушам. И так двадцать раз. И даже присутствие милиции меня не остановит. Потому что мили-

ция у нас, как оказалось, тоже чокнутая на всю голову.

– Ир, ты не кипятись, – примирительно говорит Сергей. – Хочешь я тебе Интернет покажу?

– Нет, ну вы слышали? – возмущаюсь я. – Приличная девушка первый раз пришла в дом к молодому человеку, а ей тут же делают скабрзные предложения. Да еще и при постороннем.

– Ир, ну это же сетка такая международная.

– Какая еще междугородная секта?

– Не секта, а сетка. Компьютерная сеть. Там же куча всего интересного. Вот погоди, – сказал Сергей и стал что-то бряцать по клавишам.

Черная коробочка на столе некоторое время щелкала, а потом вдруг завывла дикими кошками. Кот, спящий в аквариуме, внезапно открыл один глаз, прислушался, но потом широко зевнул и снова задрях.

– Теперь понятно, почему тебя бабульки в вивисекции подозревают, – догадалась я. – Ты бы хоть звук приглушал, а то они уже заявление в милицию написали.

– Да я этих заявлений по десять штук в день получаю, – объясняет милиционер. – Хорошо еще, что знаю – откуда ноги растут. Иначе замучился бы по домам бегать и выискивать истерзанных кошек.

В этот момент на экране телевизора что-то стало происходить.

– Во, – обрадовался Сергей. – Соединились. Иди сюда,

посмотришь сейчас на Интернет.

Я нехотя подошла к экрану, вгляделась и... О Боже! Что за мерзость! Какие жуткие и скабрзные фотографии! И это он показывает мне?!?!

– Так, – говорю я. – Ты, конечно, можешь увлекаться всякими международными тантрическими сектами, но я с таким человеком общаться не желаю.

Схватила свою сумочку и побежала из квартиры этого гнусного человека. За своей спиной слышала только фразу милиционера.

– Что, брат, наступил на грабли? Лично я никогда порнушный сайт по умолчанию не выставляю. У меня из-за этого тоже невеста ушла.

* * *

Конечно, после того случая, когда Сергей мне показывал Интернет, а на экране вдруг возникли жуткие скабрзные картинки, я вовсе не собиралась с ним дальше общаться. Точнее, общаться собиралась, но первый шаг должен был сделать он.

Спросите, почему я решила простить ему это безобразие на компьютере? Да потому что он вовсе не производил впечатления сексуального маньяка. Скорее даже наоборот. До этого все поклонники, с которыми я встречалась, только и думали о том, как бы побыстрее затащить меня в постель. А

этот... У меня дома побывал, но только и рассказывал о каком-то линуксе и, почему-то, о пингвинах. Я так и не поняла, он что, кроме всех остальных профессий, еще и биолог?

Что у него дома произошло, я тоже рассказала. О соблазнении не могло быть и речи. Так что во мне даже какой-то спортивный интерес проснулся. Надо, думаю, растормошить этого чурбана, а то я себя как-то неуверенно стала чувствовать.

Однако несколько дней Сергей не спешил мне звонить и извиняться. Я уже думала, что все... Парень или сам обиделся за то, что я тогда так резко убежала, или наоборот – считает себя настолько виноватым, что даже боится показываться мне на глаза.

Ожидание становилось мучительным, и я подумывала над тем, как бы мне самой предпринять первые шаги к примирению, как вдруг однажды иду я вечером домой, смотрю – стоит у подъезда мое чудо в перьях. Я его таким первый раз увидела. Брюки поглажены (гладил явно сам, потому что стрелка начиналась у левого кармана, наискосок пересекала брючину и заканчивалась где-то у правой щиколотки), надел относительно белую рубашку и каскетку с изображением пингвина в красной шапке (ну явно он еще в каком-то экологическом обществе работает.) В руках держит... – мама моя дорогая – БУКЕТ ЦВЕТОВ! Я, разумеется, делаю строгий вид, насупливаю брови и смотрю на него вопросительно.

– Ир, ты... это... – замялся он. – Ну, в общем, блин, про-

сти меня... Я же не хотел. Просто понимаешь, у этих, блин, неприличных сайтов всякие там флэши, ява-скрипты, апплеты там всякие... ну и не уследишь, бывает, что они возьмут, да забузолят свой урл в фавориты по дефолту. А что я могу сделать? Я же и не вижу. Хотел броузер пропатчить на эту тему, а все руки не доходят, – и он посмотрел на меня с самым разнесчастным видом.

Конечно, из этой тирады я не поняла ничего. Догадалась только, что он извиняется. Ладно, думаю, надо простить парня. Вон какой несчастный и даже брюки погладил.

– Хорошо, Сергей, – строго говорю я. – Прощаю. Но чтобы это было в последний раз.

– Ой, Ир, – обрадовался он, – да я, да я прямо сегодня... Вот только домой приду, весь броузер, Ир, клянусь, весь дизассемблирую...

– Стоп, машина, – прерываю его я. – Что ты там с собой сделаешь – твои проблемы. Главное, руки на себя не накладывай, потому что уже все в порядке. Я тебя уже простила. Почти. Вот только букет цветов мне вручишь и считай, что прощен окончательно. Надеюсь, – язвительно добавляю я, – цветы мне предназначены?

– Да, Ир, конечно, – замельтешил Сергей и сует мне этот букет прямо в нос.

– Что это? – недоуменно спрашиваю я, вытаскивая букет из ноздри, пытаюсь одновременно остановить кровь.

– Это, – отвечает Сергей с каким-то внутренним торже-

ством, – это – настоящее оптоволокно! Вот! Его можно или в вазу поставить, или абажур из него сделать. Знаешь, как оно на свету переливаться будет. Красота – словами не передать. И нигде такое не купишь. Распределяется только по секретным объектам.

Смотрю я на него и прям завидую: это же надо остаться таким наивным и чистым человеком. Впрочем, за это его и полюбила. Чего уж теперь удивляться-то?

– Сереж, – осторожно спрашиваю я. – А ты знаешь, что на свете существуют такие растения, которые называются цветы? Ну, знаешь, они сначала растут или на кустах, или в парниках, а потом симпатичные парни восточного вида продают их на рынках и в переходах. Они еще пахнут так приятно. Нет, не восточные парни, а эти самые цветы пахнут. Женщины очень любят, когда мужчины им дарят вот эти самые цветы. Я тебе точно говорю. А абажур из этих штучек у меня уже есть. Папа в свое время спер из какого-то супер-секретного самолета дипольные отражатели, так они – один в один как вот это твое оптоволокно.

– Ир, – отвечает Сергей, смотря на меня как-то исподлобья. – Чего ты меня – совсем за идиота считаешь? Знаю я, что такое цветы. Да! Врать не буду, хотел тебе купить букетик. Подошел у метро и поинтересовался. Так они за каждую розу по 80 рублей потребовали! За каждую! Ир, ты пойми, я не меркантильный! Мне вообще в этой жизни мало что надо. Всего-то мощный компьютер с винтом гига на пятьдесят, 250

метров памяти, Multi-write Cd-Rom на 6–8 скоростей, магнитооптику, слайд-сканер, монитор на очко дюймов, клавиатуру Cherry с золотыми контактами и все. Ну и еще, конечно, чтобы из стены выделенка торчала наземная на два мега. И все. Больше ничего не нужно. Но когда за букет цветов, который подохнет через несколько часов, просят стоимость четырехмеговой видеокарты...

– Мда... – задумчиво говорю я. – Действительно, мало тебе нужно в этой жизни...

– А чего? – спросил Сергей и задумался. – Ну, с двухмеговой выделенкой я, конечно, загнул. Мне одному вполне хватит 128-килобитки. Можно даже по радиоэзернету. Впрочем, – тут он развеселился, – я же не только о себе забочусь. Когда-нибудь женюсь, вот тут канал помощнее и потребуются.

– Это да, – отвечаю я и смотрю на него пристально. – Когда-нибудь действительно канал помощнее потребуется.

– Вот видишь, – совсем развеселился он. – Ты же меня понимаешь!

– Ладно, чудо мое, – говорю я. – Какие у тебя дальнейшие планы на ближайшее будущее?

– Ну, – задумался он, – сначала новый фикспак на NT установить, затем я хотел Office-2000 поковырять, а то он у меня пока падает каждые десять минут, после этого...

– Да не по поводу твоих идиотских железок планы! – ору я на весь двор. – А по поводу нас с тобой, дурак, бессердеч-

ное чудовище, балда компьютерная! – и начинаю плакать от бессилия.

– Ой, Ир, ты чего, Ир, я же не хотел, Ир, ты меня спросила про планы, вот я и ответил про планы, – забормотал этот упертый парень. – Ты не думай, у меня на тему нас много всяких планов. Хочешь, завтра пойдем куда-нибудь вместе? На Манежной новая выставка открывается. «Интернет» называется. Хочешь, Ир?

Так он говорит, а я плачу, плачу... Однако понимаю, что у меня есть только два выхода. Или вообще решить никогда больше не связываться со всякими молодыми учеными, или продолжить общение с ним, но тогда придется самой начать изучать все это безобразие, чтобы из его речи понимать хотя бы три слова из пяти, а не одно из двадцати, как это происходит сейчас. Но я девушка сильная, поэтому решила, что пройду все до конца.

Кое-как перестала плакать, сказала Сергею, что с удовольствием схожу с ним на выставку «Интернет», договорилась созвониться завтра и отправилась домой, волоча за собой букет из оптоволокну. А с завтрашнего дня решила начать заниматься компьютером. Потому что нету у меня другого выхода. Нету.

* * *

На следующий день вечером я села думать, где бы мне

научиться работать с компьютером. Вариантов, собственно, было немного. Можно было попросить дать мне несколько уроков кого-нибудь из однокурсников, но во-первых – те, кто охотно со мной позанимались бы – производили впечатление умственно недоразвитых, да и в компьютерах мало что соображали (даже на мой взгляд.) Во-вторых, мне вовсе не хотелось, чтобы кто-то из однокурсников воспринял мои просьбы как попытку флирта. В-третьих – те ребята, которые в компьютерах действительно что-то соображали, витали в своих облаках точно так же, как и мой ненаглядный Сергей.

Можно было пойти на компьютерные курсы, но я хорошо помнила рассказы отца, который своих сотрудниц отправил на полугодовые курсы, а потом, когда вся его фирма переехала в новое здание, и отец дал команду девушкам поставить компьютеры и начинать работу, девушки поставили на стол мониторы и долго искали, куда к ним подключается клавиатура... Так что компьютерные курсы исключались как неэффективные.

СТОП! У меня же есть папа! Папа, который вполне неплохо, насколько я понимаю, владеет компьютером! Вот его я и попрошу со мной позаниматься. А чего? Эта идея с каждой секундой мне нравилась все больше и больше. Во-первых – флирт во время занятий исключен, так как папа – ярый противник инцеста. Во-вторых – я смогу без стеснения задавать ему вопросы. В-третьих – буду чаще общаться с папой, что важно для хорошей атмосферы в семье. В-четвертых – под

эгидой занятий он мне разрешит работать на его компьютере, так как на данный момент мне строго-настрого запрещено даже близко подходить к этой бандуре. С этими мыслями я отправилась в кабинет к отцу.

Папа сидел за компьютером и увлеченно работал в игру «Лайнс».

– Папа! – заорала я с порога.

– Доча! – закричал в ответ папа, не отрывая взгляд от монитора.

– Папусик! – заорала я еще громче.

– Дочурик! – пробасил папа в ответ, все еще не глядя в мою сторону.

– Доча! – взвизгнула я изо всех сил.

– Папульчик! – проорал папа и, наконец, посмотрел на меня.

– Чего надо? – поинтересовался он.

Я только раскрыла рот, как вдруг папа сказал:

– Стоп! Не говори! Главное для меня – полное взаимопонимание с молодым поколением. С моей единственной дочуркой. Ты ничего не говори, а я сам постараюсь догадаться. Так. Крошка дочь пришел к отцу, и сказала доча: «Дорогой папочка. Будьте так галантерейны! Дайте своей любимой дочке туда-сюда немножечко денежек на булавки и всякую другую косметику, потому что стипендии хватает только на то, чтобы кошелек себя не чувствовал совсем пустым!»

– Я угадал? – спросил папа и полез за кошельком.

– Не совсем, – ответила я. – То есть, деньги-то мне конечно нужны, но речь сейчас не об этом.

– Ой! – сказал папа и схватился за сердце. – Пожалей старого больного человека. Не выкладывай все сразу. Начни постепенно.

– Папа! – сказала я. – У тебя есть дочь!

– Еще одна? – спросил папа. – Хорошая новость. А почему я о ней узнаю последний?

– Я имею в виду себя, – пояснила я.

– А-а-а-а-а, – успокоился папа. – Теперь ситуация проясняется.

– И эта дочь влюбилась, – продолжаю я.

– Так, – сказал папа. – Когда-нибудь это должно было произойти. Не томи меня. Говори самое главное. Только начинай издалека. Если ты уже беременна, то спроси сначала: «Папочка! А ты не скучаешь по внукам?»

– Рано тебе еще внуков, – говорю я. – То есть дедушкой стать ты уже морально готов, но еще не готов каждый вечер отправляться в постель с бабушкой.

– Логично, – одобрил папа. – Я всегда говорил, что ты умом – вся в меня. Тогда в чем проблема? Что не так с объектом твоей влюбленности? Надеюсь, – тревожно спросил папа, – он не еврей? В нашей семье евреи не нужны. В нашей семье достаточно одного еврея – меня. И то мамочка считает, что это уже слишком много.

– Хватит шуток, папа, – решительно говорю я. – С этим

парнем все в порядке. Ну, скажем так, с его точки зрения все в порядке. Вот только понимаешь, – замялась я...

– Руби сплеча, – предложил папа. – Я ко всему готов. У меня валидол в кармане и скорая сейчас приезжает довольно быстро.

– Понимаешь... – все мнусь я, – он... он... он – компьютерщик.

Папа некоторое время смотрел на меня, выпучив глаза и надув щеки. Потом сдул щеки и довольно спокойно спросил:

– И что? Я пока особой трагедии не вижу. Профессия довольно дефицитная и хорошие компьютерщики сейчас в почете. Даже зарабатывают вполне неплохо.

– Вот я и говорю, – обрадовалась я. – Но мне с ним немножко сложно общаться, поэтому я решила начать изучать все эти компьютерные премудрости.

– Правильное дело, – согласился папа. – Сейчас не уметь пользоваться компьютером – это все равно что не уметь пользоваться кофеваркой. Стыд и позор.

– Кстати, – поинтересовался папа. – А ты, если я ничего не путаю, уже почти год проучилась в Московском, если я ничего не путаю, Ордена Ленина и Ордена Московского Комсомола, Московском Авиационном Институте, имени, если я не ошибаюсь, Серго Орджоникидзе. Я надеялся, что там есть кое-какие компьютеры. Так в чем проблема? Тебя не хотят учить? Ты только скажи, я тут же отправлюсь к ректору и там им всем быстро отвыкну издеваться такими безобразиями!

– Да нет, – говорю я. – Компьютеры там есть и даже чему-то обучают... Но ты же знаешь все эти институты.

– Кхм... – ответил папа. – Вовсе незачем лишний раз намекать на мой купленный диплом. Зато у меня мозги работают намного лучше, чем у всяких высшеобразованных.

– Я вовсе не хотела тебя обидеть, – говорю я. – Просто объясняю, что в институте довольно слабо поставлено обучение компьютерам. Да и обучают там всякие тетки, а ты же сам говорил, что женщин-компьютерщиц в природе не бывает.

– Я так говорил? – удивляется папа. – Ну, это явно было сказано в минуту гнева. Ладно. Короче, чего ты от меня хочешь?

– Общения, – твердо говорю я.

– В каком смысле?

– В таком, что ты меня будешь каждый вечер потихонечку учить работе с компьютером.

– Я?!?! – совсем поразился папа. – Доча! Ты ничего не путаешь? У тебя отец – довольно-таки обычный генеральный директор. И вовсе даже не компьютерщик, и уж тем более – не программист!

– Ну и что? – не сдаюсь я. – Мне никаких специальных знаний не надо. Просто хочу научиться на нем работать и лазить по Интернету. А ты это умеешь.

– Дочка! – заныл папа. – Может быть, я тебе лучше расскажу – от чего появляются дети, а компьютеры ты будешь

изучать с кем-нибудь другим?

– Дети появляются в результате элементарной забывчивости, – строго заявляю я. – Кстати, ты слышал чего-нибудь о конфликте поколений? Ты вообще в курсе, с чего начинаются проблемы во взаимоотношениях отцов и детей?

Папа взглянул на меня исподлобья, потом тяжело вздохнул и сказал:

– Ну, ладно. С завтрашнего дня начнем заниматься. Только чур – усваивать все быстро и не мучить меня вопросами!

– Не буду, не буду, все усвою быстро, просто мгновенно, тем более – с таким шикарным преподавателем, – скороговоркой выпалила я, чмокнула папу в щечку и пошла из кабинета.

Когда выходила, взглянула через плечо, ожидая увидеть папу, который со вскипевшей в уголке глаза слезой провожает меня глазами, но увидела только его затылок и характерную картинку «Лайнс» на мониторе.

* * *

Разумеется, прошло не меньше недели, прежде чем моя папулька сподобилась начать со мной заниматься компьютером.

Впрочем, я ничего другого и не ожидала, так как знаю его с детства. Со своего детства, разумеется. С его детства папульку знает мамулька. Так и она говорит, что никогда не

вышла бы за папульку замуж, если бы не одно событие.

Дело в том, что они знают друг друга с детского сада. А их семьи были знакомы еще с детского сада моих бабульков и дедульков с обеих сторон. И у мамульки с папулькой просто на роду было написано пожениться. По крайней мере, обе семьи этого очень хотели.

Поэтому мамулька с папулькой с детства ненавидели друг друга. Папулька лупил мамульку колготками, мамулька жаловалась на папульку воспитательнице, после чего папульку на десять минут ставили в угол. Оттуда он выходил еще более озлобленный и лупил мамульку уже рейтузами. Она опять жаловалась и папульку ставили в угол уже на пятнадцать минут, из-за чего он озлоблялся еще больше. К окончанию детского сада папулька проводил в углу 10 часов из 12, а мамулька была вся синяя, так как папулька ее лупил уже деревянными лошадками.

В школе они учились в одном классе, и мамулька никогда не разрешала папульке у нее списывать. Только за деньги (эту привычку она сохранила и сейчас.) Поэтому папулька еще с детства научился зарабатывать, чтобы покупать знания. Папулька, кстати, совсем не дурак, просто у него мозги не в ту сторону были направлены, и в обычной школе ему было тесно. А мамулька – наоборот училась в школе прекрасно, после чего закончила институт с красным дипломом, что ей очень помогло в дальнейшей роли домохозяйки.

Они ненавидели друг друга всю школу. В начальных клас-

сах папулька ухлестывал за одноклассниками, в средних — за девчонками во дворе, в старших — за молоденькой биологичкой. Мамулька же в школе себя на любовном фронте никак не проявляла, зато в десятом классе стала более-менее благосклонно принимать знаки внимания уже немолодого учителя физкультуры, которого звали Лева. Я подозреваю, что делала она это назло папулке, но сейчас ничего доказать невозможно, а мамулька даже в душевных разговорах не колетса.

Но как-то раз в десятом классе произошла одна история, которая повлияла на весь дальнейший ход событий.

Дело в том, что в папулько-мамулькиной школе была святая традиция: перед выпускными экзаменами десятиклассники выбирали из своих рядов несколько лучших представителей, которые отправлялись бить физкультурника Леву за неумный интерес к их одноклассницам. Это была старая и добрая традиция, которую чтили все десятиклассники. И даже сам Лева ее тоже чтит, потому что каждый год вставлял себе новые зубы.

В этом году было выбрано три человека. Трое лучших представителей из двух классов. Возглавлял команду «ангелов смерти» (как ее высокопарно называли десятиклассники) Вова по прозвищу Барсук. Вову уважала вся школа, потому что это был единственный человек, которого выгнали с занятий по карате за то, что он избил сенсея. Вова весил 150 килограмм при росте под два метра, и ему не нужны были

знания восточных единоборств, чтобы дать кому-нибудь по шее. Далее в команду входил Макс по прозвищу Кошмарик. Он был очень худой и хилый, но во-первых – без него не обошлось ни одно мероприятие, во-вторых – в тщедушном теле был заключен такой боевой дух, что Макса побаивался даже Вова. К тому же он умел орать, как пожарная команда, тушащая стадо мартовских котов. А третьим выбрали моего папульку. Он был достаточно хорошо развит физически (мамулька говорит, что он и сейчас здоров, как бегемот; потому что только с таким здоровьем, как у папульки, считает мамулька, можно всю ночь квасить в бане, а утром еще и на работу отправляться), но его выбрали вовсе не из-за этого. Просто папульке добрая половина десятиклассников должна была денег, а он заявил, что если его выберут, то он всем долги простит.

Из разведки вернулся пятиклассник, который сообщил, что Лева сидит в физкультурном зале, после чего «ангелы смерти» тронулись на выполнение своего святого долга, провожаемые благословениями мужской половины десятых классов и противоречивыми вздохами женской половины.

Сплоченная команда продвигалась по пути к физкультурному залу. Папулькина-мамулькина школа представляла собой типовую трехэтажку, где основное здание соединялось с актовым и физкультурным залом узеньким переходом. Но как только «ангелы» вступили в переход, на другом конце неожиданно возникла встревоженная фигура Левы. Как он

узнал о походе – до сих пор неизвестно. То ли в стан десятиклассников пробралась змея предательства, и за четверку в году какой-нибудь негодяй поставил физкультурника в известность (мне больно думать, что это могла быть девочка), то ли Лева сердце (или еще какая-нибудь часть тела) подсказало, что его сейчас БУДУТ БИТЬ! Ситуация была критическая. Загнанный в угол Лева был способен на все, тем более, что у него своих зубов оставалось три или четыре. Но и «ангелы» не собирались отступать. Папулька быстро взял командование на себя (он еще с детства любил покомандовать, как язвительно замечала мамулька), поставил Барсука слева, сам встал справа, хилого Кошмарика поставили посередине, сцепились руками и стали ждать приближения физкультурника.

Лева быстро оценил ситуацию, понял, что отступать, собственно, некуда, потому что позади – только физкультурный зал, быстро принял решение и помчался прямо на бесстрашную троицу. Папулька рассказывал, что никто не дрогнул при виде Левы, мчащего прямо на них. Только Кошмарик что-то заверещал и стал дергаться в железных руках папульки и Барсука. Разумеется, как и предполагал папулька, Лева выбрал наиболее уязвимое звено в заградительной цепи, поэтому всем телом ударился о Кошмарика. Тот упал, заорал на всю школу: «Уби-и-и-или, убили Макса, негодяи», после чего совершенно неожиданно впился Лева зубами в ляжку и стал мотать головой, как заправский бультерьер (толь-

ко в этот момент папулька оценил мудрость десятиклассников, которые выбрали Кошмарика для этой нелегкой миссии.) Лева не ожидал такого поворота событий, поэтому выдрал ногу из кошмарных зубов и с воем побежал обратно в физкультурный зал.

Теперь торопиться было некуда, поэтому троица направилась вслед за Левой, спокойно и четко печатая шаг. Подошли к залу, который, разумеется, оказался закрытым на ключ. «Барсук, прошу вас», – негромко сказал папулька, после чего Барсук поднял ногу и вежливо постучал в дверь. Дверь упала. В другом конце зала виднелся Лева, который метался вдоль шведской стенки.

– Кошмарик, – железным голосом сказал папулька.

– Встань у двери и стой насмерть.

– Не бояться, – ответил Кошмарик, довольный своим недавним подвигом. – Если он сюда попробует сунуться, я ему знаю куда вцеплюсь?

Папулька взглянул на Кошмарик с интересом, но ничего не сказал, а только отечески похлопал одноклассника по груди, от чего тот закашлялся. После этого Барсук и папулька двинулись в сторону Левы. Тот заметался еще сильнее, стал то залезать на шведскую стенку, то слезать с нее, потом хотел было открыть окно, но у него ничего не получилось. Затем вдруг принял какое-то решение и, быстро перебирая руками, забрался по канату на самый верх.

– Слушай, – задумчиво спросил Барсук папульку.

– А как шведы с такими стенками живут? Дует ведь.

– А черт их знает, – рассеяно ответил папулька, раздумывая совсем о другом. – Слышь, Барсук, а как мы его вниз стянем?

– Это твоя забота – думать, – объяснил Барсук. – Ты мне его вниз сгони, а там уж – мои проблемы.

Папулька задумчиво подошел к канату, взял его двумя руками и несколько раз сильно встряхнул.

– Всем, всем, всем пятерки поставлю! В году! – заверещал сверху Лева, но не упал.

– Может поджечь? – неуверенно спросил Барсук.

– Долго гореть будет, – объяснил папулька.

– Прибежит еще кто-нибудь. А нам бы по-быстрому ему пару зубов выбить и мотать отсюда.

– Ну давай тогда я попробую, – сказал Барсук, поплевал на ладони, схватил за канат, резко дернул и...

Канат не выдержал веса Левы и молодецкого рывка Барсука, поэтому оторвался где-то в районе потолка и вместе с Левой полетел вниз на маты. Лева тяжело шмякнулся на маты, сказал плохое слово и затих.

– Ну, Лева, – ласково сказал папулька, – предоставляем тебе возможность выбора. Мы же не звери.

Два зуба на твой выбор, один – по выбору Барсука. Решай быстрее, а то у нас времени мало.

– Нам в библиотеку пора! – неожиданно пискнул со стороны двери Кошмарик.

А ситуация, между тем, была тупиковая.

Папулька понимал, что Барсук лежащего и жалкого Леву бить не будет, а уж он сам – тем более. Надо было как-то выходить из этой ситуации, а как – папулька не знал.

Внезапно отворилась дверь тренерской, оттуда появилась мамулька и заявила:

– Ну что, Левчик, получил по заслугам?

Давно пора.

Папулька аж онемел.

– А ты, – взъярился он, – а ты что здесь делаешь?

– Журнал заполняю, – с ненавистью глядя на Леву, объяснила мамулька. – Чтобы четверку в году поставили.

Я же всю четверть на физкультуру не ходила.

И тут папулька ощутил такой прилив ревности, что схватил Леву за грудки, оторвал от матов и дал ему прямо в челюсть. Лева упал, но внезапно вскочил и дал папульке в челюсть. Папулька упал. Барсук начал размахиваться, но делал это настолько медленно, что получил от Левы головой в живот, согнулся и тоже упал, а Лева козлиными прыжками помчался в сторону двери, где Кошмарик, почуяв недоброе, схватился руками и ногами за обе створки и завыл:

– Не бегайте по мне! Не бегайте!

Это ему не помогло. Лева снес Кошмарику, как пушинку и умчался в неопределенном даже для себя самого направлении.

Папулька лежал, распростертый на матах, а на скуле вска-

кивал здоровенный желвак.

– Лихо ты Левке съездил, – заявила мамулька, первый раз в жизни глядя на папульку с интересом.

– А то, – довольно ответил папулька. – Не будет к нашим девчонкам приставать.

– Во-во, – пропыхтел Барсук. – Уж если бы я успел замахнуться, он не только к девчонкам, даже к мальчишкам не приставал бы до самого дома престарелых.

– Пошустрей надо было, Барсучок, – подколола его мамулька. – Ты пока замахнешься, уже новый листок на календаре отрывать надо.

Барсук набычился, но мамулька перестала обращать на него внимание, а стала прикладывать медные монетки к папулькиному желваку. Тот сиял, как Солнце над Зимбабве, и победно поглядывал на Барсука.

Наконец, первая помощь была оказана, папулька с Барсуком подняли Кошмарика, выбили из него пыль, и все четверо дружно отправились в класс, чтобы доложить о победных результатах крестового похода.

А дальше... Дальше мамулька с папулькой поженились.

Вот я и говорю, что мамулька его знает намного лучше, чем я, но даже я понимала, что пройдет еще немало времени, прежде чем папулька займется со мной компьютером. Ой, что-то я сегодня разговорилась не на шутку. Пора отправляться по делам, а завтра я точно папульку заставлю со мной позаниматься.

Никуда он от меня не денется. Я волшебную фразу знаю:
«Папулька!

Ты хочешь, чтобы я рассказала мамульке о том, как ты...»

* * *

О! Свершилось! Наконец-то! Папуля сподобился позаниматься компьютером со своей единственной (как он надеется) дочуркой. Данное эпохальное событие свершилось вчера, в аккурат после окончания первого вечернего ужина (у папульки их обычно два или три: первый случается сразу после возвращения домой с работы, второй – где-то перед сном, а третий – когда папулька встает ночью, открывает холодильник и пытается оттуда достать немного еды, роняя кастрюли и будя весь дом.)

Папулька насытился, выпил бокальчик красного вина, пришел в благодушное настроение и только-только сел в очередной раз мучить свой Lines, как я уловила момент и набросилась на папульку дикой кошкой.

– Папа! – сказала я строгим голосом. – У нас была некоторая договоренность, между прочим. И между прочим, эта договоренность состоялась уже почти две недели назад. Мне грустно думать, – добавила я голосу встревоженные нотки, – что моя папулька нарушает свои договоренности. Эдак у дитя (я себя имею в виду) возникнет чувство неуверенности в собственном родителе. А что может быть хуже?

– Что, доча, что такое? – всполошился папулька.

– Я разве отказываюсь? Ничего подобного. Но ты же видела: папулька на той неделе был сильно занят, поэтому не смог уделить доче необходимого внимания.

– Ну да, – сказала я саркастично. – Был занят. Знаю я, как и где ты был занят. Три раза на той неделе в преферанс с главным бухгалтером играл.

– Але, моральная комиссия! – сказал папулька, сразу озверев. – У меня, если ты еще не в курсе, есть твоя мамочка. И мне вполне достаточно ее наставлений, выпиливаний и ежевечерней морализации. Так что ты мне тут заканчивай свои претензии. Будешь заниматься компьютером – сейчас и начнем. Хочешь морали читать – иди в свою комнату и читай их телевизору, а то он что-то плохо стал показывать.

– А я и ничего, пап, – заторопилась я. – Хочу компьютером заниматься. Какая мне разница, во что ты играешь?

– Вот то-то, – сказал папулик и сразу успокоился.

– Итак, дочка, приступаем к первому занятию. Компьютер, дочка, состоит из следующих предметов: телевизор, который мы называем монитором, клавиатуры, которую мы называем «Клава» и мышки, которую мы называем мышкой.

– Поняла, – сказала я. – Телевизор называем монитором, клавиатуру называем кейбордой (этому слову я уже научилась у Сергея), а мышку называем мышкой.

– Молодец, – сказал папулька. – Ну что, на первый раз достаточно?

– Не понял, – произнесла я голосом Брюса Виллиса. – Сдается мне, папаша, что вы хотите меня кинуть, как престарелую девственницу.

– Слушай, – ответил папулька нервно, – не надо в разговоре со мной цитировать свои идиотские фильмы.

Меня это раздражает. Или дальше занимаемся, или я буду работать.

– Занимаемся дальше, – твердо сказала я.

– Кстати, а как называется вот эта серая коробка?

– Какая серая коробка? – не врубился папулька.

– Вот эта, – и я показала на коробку, куда тянулись шланги от кейборды и мыши.

– Ну, дык, это... компьютер это и есть, – сказал папулька, несколько растерявшись.

– А-а-а-а, – уважительно сказала я. – Вы в этом смысле! Теперь все понятно.

– Ну ты, мать, даешь, – даже как-то испуганно сказал папулька. – Что за дикая серость? Первый раз в жизни компьютер видишь, что ли?

– Не первый, – твердо сказала я, вспоминая сцены в доме у Сергея, которые предпочла бы не вспоминать.

– Но откуда я знаю, что именно это – и есть компьютер. Я всегда думала, что компьютер – это где экран.

– Не, точно она вся в мамашу, – пробормотал себе под нос папулька и уже громким голосом продолжил. – Итак, доча, вот эта серая бандура и есть компьютер. Сейчас я его выключу.

чу, а потом мы выясним, как это дело включается, – с этими словами папулька быстро произвел какие-то манипуляции и монитор погас.

– Компьютер, доча, включается вот этой кнопкой, – сказал папулька, утопил пальцем серую кнопку на компьютере, и экран снова загорелся.

– А выключается наверняка ей же, – догадалась я, нажала на ту же кнопку, и экран снова погас.

Папулька икнул от неожиданности и почему-то возмутился:

– Але! Дочка! Ты куда свои пальцы-то тянешь без разрешения преподавателя? Компьютер выключается вовсе даже не так.

– Это почему это? – удивилась я. – Любые приборы одним тумблером включаются и выключаются.

– Но не компьютер, – заявил папулька. – То есть, если бы в нем не было никакой операционной системы, то можно было бы выключать этой же кнопкой, но в нем есть, – тут папулька благоговейно поднял глаза к нему, – величайшая операция под названием Виндоуз, которая умеет выключать компьютер более грамотно, чем просто этой кнопкой.

– Не поняла, – заявила я. – Что значит – более грамотно? Сама себя из розетки выдергивает, что ли?

– Нет, – сказал папулька. – Ну как бы тебе объяснить? Чтобы выключить компьютер, надо выполнить следующую последовательность действий: нажать на кнопку «Пуск», вы-

брать «Завершение работы», а в нем выбрать пункт «Выключить компьютер», после чего нажать Enter.

– Ни фиги себе! – возмутилась я. – И это называется «более грамотно»? А с бубном вокруг компьютера при этом побегать не надо?

– Иногда надо, – сказал папулька и почему-то немного загрустил. – Ладно, – сказал он. – Включаем компьютер и учимся дальше, – с этими словами он снова надавил на кнопку включения.

Компьютер померцал экраном, прогнал какие-то цифири, потом на нем что-то долго происходило, а затем на экран вывалилось какое-то сообщение на английском.

– Вот видишь, – сказал папулька и заметно занервничал. – Меня на работе строго-настрого предупредили, что выключать машину надо всегда так, как я тебе рассказал.

А ты своим пальцем шаловливым ткнула куда не следует, вот проблемы и возникли. Что делать-то? Как я в Lines играть буду?

– Да ладно тебе нервничать-то, – сказала я успокоительно. – Если что, Сергей поможет. Хочешь я ему позвоню?

– Ну звони, конечно, – совсем издергался папулька. – Видишь, компьютер не загружается.

Сергей, на счастье, не сидел в своем Интернете, так что я дозвонилась очень быстро.

– Сергей, – закричала я в трубку, даже не поздоровавшись. – У нас тут компьютер какой-то вопрос задает и не

грузится.

– Какой вопрос? – недовольно спросил Сергей, который до моего звонка явно сладко спал. – Есть ли жизнь на Марсе?

– Да нет! – радостно сказала я. – Он говорит, что на нем обнаружена какая-то ошибка и спрашивает – исправлять ее или нет.

– Конечно обнаружена ошибка, – удовлетворенно сказал Сергей. – Эта ошибка называется Windows 95. Ее и надо исправить на вашем компьютере.

– Так чего делать-то?

– Скажи, чтобы исправляла, – скомандовал Сергей.

– Он говорит, чтобы исправляла, – передала я папульке.

– И чего? – совсем озверел папулька. – Чего делать-то?

– Чего делать-то? – заорала я в трубку.

– Блин, да на Enter нажать, – в свою очередь возмутился Сергей. – Вы там чем вообще занимаетесь? Надо же головой думать, а не седалищным нервом.

– Блин, надо на Enter нажать, – скомандовала я папулька, благоразумно пропустив замечание на тему седалищного нерва.

Папулька нажал на Enter, компьютер еще минут пять хрюкал что-то свое, а потом загрузились папулькины любимые облачка.

– Ура-а-а-а! – закричал папулька. – Вот я снова вернулся в лоно святой католической церкви!

Он быстро забегал пальцами по клавиатуре, загрузил свой

родной Lines и в то же мгновение забыл о моем существовании.

– А я сегодня первый урок по компьютеру получила, – похвасталась я Сергею.

– Поздравляю, – сказал он и зевнул так, что я побоялась за судьбу его телефона. – Больше вопросов ко мне нет? А то ты своим звонком прервала такой шикарный сон! Мне снилось, что Билл Гейтс попал в Ад и его окружают компьютеры с юниксом и полуосью. Дай досмотреть-то это счастье.

– Да и пожалуйста, – я немного обиделась.

– Спасибо за помощь, – начала было я, но этот невежа уже повесил трубку.

Папулька, между тем, резался в свой Lines, похрюкивая от удовольствия.

– Папуль, – решительно сказала я. – Может быть еще сегодня позанимаемся?

– Поразительно, – ответил папулька, не отрывая глаз от экрана, – как у некоторых людей, которые чуть было не лишили своего законнорожденного родителя заслуженного отдыха, начисто отсутствует совесть.

– Намек понял, – грустно сказала я и отправилась на кухню к мамульке, чтобы мы вместе смогли оплакать нашу женскую долю.

Прошло время. Папулька уже привык со мной заниматься и железно посвящает общению с дочкой пару вечеров в течение недели. Я стала в компьютере кое-что понимать.

По крайней мере, монитор с клавиатурой уже не путаю.

Как-то днем звонит Сергей. Он в последнее время что-то довольно часто стал сам звонить. Раньше такого не наблюдалось.

– Привет, – говорит.

– Здравствуй, милый, – проникновенно говорю я, пытаюсь привести в чувство таблицу в Excel-е.

– Чем занимаешься? – интересуется любимый.

– Кастрюли отдраиваю, – объясняю я.

Конечно, мне хочется похвастаться, что я сейчас осваиваю линковку данных между разными листами рабочей книги Excel-а, но пока еще не могу выговорить такую мудреную фразу.

– А, – отвечает Сергей и надолго задумывается.

– Ну? – продолжаю я этот интереснейший разговор.

– Ты, это... – начинает Сергей. – Как идут занятия по компьютеру?

– Все тип-топ. Папулька сначала все время злился... Ну, ты же знаешь, что он и сам – не особенно продвинут в компьютерном плане. Он только по Lines большой специалист, а

меня интересуют несколько другие вещи. Но я ему задаю вопросы, на которые он не может ответить, он сначала раздражается и ругается, а потом мы вместе садимся разбираться, после чего кое-что проясняется.

– Молодец! – хвалит меня Сергей. – Еще немного, и с тобой можно будет в приличное общество выходить.

– Это в какое такое общество? – осторожно интересуюсь я.

– Ну, в Интернет-кафе, на фидопойку... Мало ли куда, – неопределенно говорит Сергей.

Я сначала несколько обижаюсь, потому что Сергей достаточно явно высказал пренебрежение моими компаниями, где ему, видите ли, не с кем поговорить о компьютерах. С другой стороны, я сама выбрала такой путь, так что чего уж обижаться?

– Слушай, – внезапно говорит Сергей. – А тебе домашние задания дают?

– Конечно, – удивляюсь я. – Куда же без домашних заданий? У меня, можно сказать, практически только в них обучение и состоит. На той неделе попросила папульку обучить меня Access-у, так он заявил: «Вот тебе задание к следующему занятию: освоить Access». Ну, я осваивала, осваивала, а когда пришла на занятие, то выяснилось, что папулька этот Access вообще первый раз в глаза видит. Так я и не поняла – освоился у меня этот Access или нет.

– А ты в самое главное врубилась? – подозрительно спра-

шивает Сергей. – Для чего вообще этот Access существует?

– Ну наверное я у тебя – круглая дура! – саркастично отвечаю я. – Конечно врубилась. Access создан для работы с базой данных «Борей».

– Так, – говорит Сергей. – Ясно. А сегодня у тебя что на дом?

– Да с Excel-ем вожусь, будь он неладен. Папулька его довольно неплохо знает, надавал всяких заданий, а я разобратся не могу.

– Ну и приходи тогда ко мне! – радостно говорит Сергей. – Я тебе буду помогать домашнее задание делать.

– А чего? Это мысль, – задумчиво говорю я. – Только ты у себя приберись хоть немножко, ладно?

– О чем разговор? – обижается Сергей. – Чистота будет, как в Третьяковке.

– Кстати, ты в курсе, что ее на ремонт закрыли? – интересуюсь я.

– Да ты что? – удивляется Сергей. – Когда я там был в прошлый раз, никакого ремонта и не намечалось.

– А когда ты там был в прошлый раз?

– В третьем классе.

– Ясно, – решительно говорю я. – Марш убираться, а я потихоньку к тебе направляюсь. Главное, со стульев и кресла свои железки убери. А то мне после твоего посещения брючки пришлось выкидывать. Мама сказала, что меня как будто голуби поклевали.

– Это от видеокарты, – радостно заявляет Сергей.

– Ага. Вот и сделай так, чтобы этих видеокарт и тому подобной мерзости на стульях не валялось.

– Ради взгляда прекрасной дамы я готов на любые страдания, – галантно заявляет Сергей.

– Это еще откуда? – подозрительно спрашиваю я. – Ты что – начал книжки читать?

– Да нет, – объясняет Сергей. – Это новый квест появился. Там таких фраз – хоть обговорись.

– Понятно. Ладно, жди меня и я приду. Только очень жди.

– Это еще откуда? – подозрительно спрашивает Сергей. – Я что-то такой игры не помню.

– Да нет, – объясняю я. – Это из книжки. Там подобных фраз – хоть процитируйся.

– Ладно, жду, – говорит Сергей и вешает трубку.

У его подъезда сидят все те же бабульки.

– Приветствую стражей законности и добропорядочности, – вежливо здороваюсь я (вы помните, что я с бабульками у подъезда никогда не ругаюсь.)

– А-а-а-а, Ирка к вивисектору пришла, – радуются бабульки.

– Никакой он не вивисектор, – объясняю. – Просто ученый.

– Ага, ученый, – злорадно говорит самая вреднучая бабулька. – А чего он тогда кошек дерет?

– Ничего он не дерет. Это у него компьютер так орет.

– Ну точно – псих ненормальный, – радуется другая бабулька. – Это у кого ж в здоровом уме кампьютир будет кошками орать? Кампьютир – это для вычислений, вот.

– Да ладно вам, – успокаивающе говорю я. – Вы бы лучше над парнем шефство взяли. А то он питается только хлебом с пивом и спит по два часа в сутки. За ним же – будущее нашей страны.

– Скажешь тоже – будущее, – бормочут бабки, но задумываются.

– А что, – спрашивает бабка в ситцевом халате. – Он правда всухомятку питается?

– Не то слово, – отвечаю я, чувствуя, как на глаза слезы наворачиваются.

– И что, – спрашивает та же бабка, у которой тоже слеза начинает вскипать в глазу, – супчик даже не каждый день кушает?

– Какое там – каждый день, – безнадежно машу рукой я. – Вообще никогда не кушает. Он даже и не знает, что такое супчик.

– Во дела, – поражаются бабульки.

– А что же ты, красавица, – интересуется самая въедливая старушка. – Ты-то что за ним не следишь? Почему супчики не варишь?

– Меня не пускают, – объясняю. – Я веду длительную осаду и постепенно возвращаю парня к нормальной жизни. Но каждый день приходить не могу, а то воспитательный про-

цесс неправильно пойдет. Он должен спинным мозгом чувствовать разницу между моими присутствием и отсутствием. Чтобы отсутствие давило на сознание и желудок.

– Во излагает, – восхитилась бабулька в соломенной шляпе. – А с виду – обычная намазюканная современная дурочка.

– Ладно, красавица, – говорит самая главная бабулька, сидящая в центре. – Шуруй к своему вивисектору-сухомятти-ку, а мы подумаем. Только если как в прошлый раз, ты кричи, – строго говорит она. – Мало ли что... Как в прошлый раз милицию вызвали, так и сейчас вызовем. Ты не думай. И даже не посмотрим, что участковый там опять на несколько дней застрянет, как тогда... А шефство над твоим ученым – возьмем. Нам же лучше, если он все время на глазах будет. Так хоть дом своими электрониками не спалит.

– Спасибо, бабушки, – прочувственно говорю я и направляюсь в подъезд.

Поднимаюсь на его площадку и нажимаю кнопку звонка. Слышится какой-то щелчок и вдруг жуткий громовой голос произносит:

– What are you waiting for? Christmas?

Я сначала оцепенела, но вспомнила, что в прошлый раз меня тоже встречал механический голос, поэтому быстро произнесла волшебную фразу, надеясь, что дверь сама откроется:

– Майкрософт – маст дай.

Дверь осталась неподвижной.

– Линукс – рулез! – неуверенно произнесла я еще одну из фраз, которую слышала от Сергея, но и она видимого эффекта не возымела.

– Ну и чего ты ждешь? – раздался голос Сергея и дверь открылась. – Нового года? Дверь же открывается сразу после нажатия на звонок. Это новая дурка такая.

Но я не могла вымолвить ни слова, глядя, как замороженная, на своего милого.

– Сережа! Боже мой, – наконец, смогла выговорить я. – Что ты сделал с прической?

– Во дела! – удивился он. – Ты же сама говорила, что меня портят длинные волосы. Вот и постригся. А чтобы каждую неделю потом не бегать в парикмахерскую, постригся так коротко, насколько у парикмахерши машинки хватило.

– Слушай, – сказала я. – А мне даже нравится.

У тебя, оказывается, лоб такой высокий. Да и голова – вполне благородной формы.

– А что значит – «голова благородной формы»? – заинтересовался Сергей.

– Ну... – начала было объяснять я, но внезапно поняла, что сути этой фразы никогда не понимала. – Короче, – решилась я, – башка у тебя – любо дорого посмотреть.

– А, – успокоился Сергей. – Так бы сразу и сказала. А то все какие-то формы, формы. Какие есть формы, такие и есть.

Тут я внезапно обратила внимание на его одежду.

– Сережа! Зачем ты бабочку на майку нацепил?

– А чего? – застеснялся он. – Хотел принарядиться к твоему приходу. Ты же все жалуешься, что я одеваюсь как-то не так. Вот вчера специально купил бабочку. Правда прикольная?

– Ну да, – несколько растеряно отвечаю я. – Только почему ты ее на майку надел?

– Уж извиняйте, – внезапно разозлился он. – Фраков и шмокингов у нас нема. Мы из простых, мелкопоместных.

Не понимаю – чего ты придираешься? Майка же белая. Вот если бы я бабочку на черную майку надел, тогда претензии были бы вполне закономерны.

– Да нет, Сереж, не волнуйся! Все в порядке! – заторопилась я, боясь, как бы он не разобиделся вконец.

– Я просто была приятно поражена твоим новым обликом. Кстати, ты сейчас очень похож на жреца из «Мумии»...

– Не помню такой игры, – мрачно буркнул Сергей, все еще дуясь.

– Ну хорошо, – сказала я. – Ты сейчас – вылитый Дюк Нюкем (мне его папулька демонстрировал.)

– А ты – вылитая Лариса Крофт, – почему-то совсем разобиделся Сергей.

– Это из какого фильма? – не поняла я.

– Это из передачи «Спокойной ночи, малыши», – саркастично ответил Сергей.

– Слушай, Сереж, во-первых – я до сих пор стою на поро-

ге. Во-вторых – если ты не собираешься помогать мне делать домашнее задание, я лучше уйду.

– Ой, пардон, совсем ты меня заговорила с этими бабочками и прическами. Заходи, конечно, – и он широко распахнул дверь.

В квартире, как ни странно, было прибрано. На его, конечно, манер, потому что все железяки были свалены в одну кучу и накрыты простыней. Но по стульям и креслам они не валялись, так что я хоть была спокойна за свою одежду.

– Кушать хочешь? – великосветским тоном поинтересовался Сергей.

– А что у тебя есть? – невинно спросила я.

Вопрос, как было видно, застал его врасплох.

– Ну, пельмени есть, – Сергей поднял глаза к потолку. – Только я их, по-моему, в прошлом году покупал.

– О! Сосиски есть! Будешь сосиски? Сейчас я их живо разморожу, а на гарнир найдем пару банок пива.

– Где ты их собираешься размораживать? – поинтересовалась я. – У тебя же нет микроволновки.

– Спокуха, – довольно сказал Сергей. – Настоящий программист всегда найдет где разморозить сосиски. У меня же – третий пентиум.

– И что? – не поняла я.

– А то что он греется, как последняя зараза. На нем не только сосиски, на нем быка можно разморозить.

– Знаешь, Сереж, я что-то не очень хочу кушать. Давай

лучше позанимаемся Excel-ом.

– Как скажешь, – отвечает Сергей и включает компьютер.

– Слушай, – говорю я, внимательно глядя на процесс загрузки. – А твой любимый Линукс тоже называется Windows 98?

– Да нет, – морщится он. – Линкус вчера подох. Что-то я не то с ним сделал. Так что здесь сейчас установлены винды, но только для изучения коварных планов врага.

– Поняла, – говорю я. – Жаль. А я так хотела на этот Линкус посмотреть. Ты мне давно обещал пингвинчиков показать.

– Дались тебе эти пингвинчики, – злится он. – Ты в гости пришла или в зоопарк?

– В гости, в гости, – успокаиваю его я.

– Запускай Excel.

Сергей некоторое время возится с компьютером, затем на экране появляется знакомая картинка с Excel-ом.

– Ну? – несколько высокомерно говорит он.

– Чего тебе не ясно? Как файл открывать?

– Да ладно тебе, – даже обижаюсь я. – Ты меня совсем за дурочку держишь? Мне не ясно как в разных вычислениях использовать постоянное значение одной из ячеек и как брать значения ячеек из другого листа.

– А-а-а-а-а, ты в этом смысле... – говорит Сергей и надолго задумывается. – Ну и в чем проблема? Берешь и подставляешь адрес ячейки во все вычисления.

– Это понятно. Но если мне надо скопировать формулу, то адрес постоянной ячейки меняется. А мне нужно, чтобы он не менялся при переносе формул.

– А он действительно меняется? – недоверчиво спрашивает он.

– Век компьютера не видать! – поклялась я.

– Странно, – говорит Сергей. – Может надо как-то явно указать, чтобы он не менялся.

– Конечно надо указать! – начинаю злиться я. – Вот я тебя и спрашиваю – что надо указать?

– А мне откуда знать? – в свою очередь злится Сергей. – Я же программер! Мне если что надо вычислить, пишется программа, а не используется твой дебильный Excel, который при переносе формул сам адрес меняет.

– Мой дебильный Excel? – взрываюсь я. – Это все твой дебильный компьютер. Из-за тебя же начала изучать всю эту бодягу, а теперь это оказывается мой дебильный Excel.

– Ты еще скажи, что это я виноват, что деБильный Excel чего-то там куда-то не так переносит! – уже в полный голос орет Сергей.

– А кто в этом виноват? Я виновата?

– Ну уж не я – это точно! – Сергей орет так, что изображение на мониторе начинает подрагивать.

– Знаешь, милый, я, пожалуй, пойду, – говорю я, вскакиваю со стула и направляюсь к двери.

– Да подожди ты, Ир, мы же еще даже не начали занимать-

ся, – еще по инерции орет Сергей.

– Мы уже позанимались вполне достаточно, – заявляю я и великосветским тоном произношу: – Спасибо, милый. Ты мне очень помог.

С этими словами исчезаю за дверь. Снизу бабульки как всегда на страже.

– Что случилось? – интересуется самая настырная.

– Чего вы там орали-то, как стадо бизонов при встрече с паровозом?

– Делали домашнее задание по программированию, – объясняю я.

– Понятно, – говорит другая бабулька. – А мы-то думали, что вы там этику и психологию семейной жизни изучаете. Уж больно похоже.

– Рано мне еще замуж, – решительно говорю я. – Боюсь, что будет много разочарований.

– А ты не бойся, – успокаивает третья бабулька.

– Разочарований все равно будет на порядок больше, чем ты думаешь. Так что расслабься и приготовься к неизбежному.

– Спасибо, – отвечаю я. – Вы меня очень успокоили.

С этими словами отправляюсь домой, по пути колотя сумкой о все фонарные столбы. Они-то, конечно, ни в чем не виноваты, но мне же надо на чем-то злость выместить.

Можно, конечно, на папульке, но папулька сам на ком хочешь злость выместит.

Я после недавней ссоры несколько дней выдерживала характер, поэтому Сергею не звонила. Надоел он мне. Бегаю за ним, как курсор за мышкой, а он все раздражается, орет... Впрочем, уже стало понятно, в чем суть его такого нервного состояния. Раньше, когда я в компьютерах была ни бум-бум, Сергею было очень легко строить из себя эдакого компьютерного гения, бросать всякие мудреные фразы и чувствовать себя по сравнению со мной – пупом земли. Но потом, когда я хоть что-то стала понимать во всех этих мудреных железках и программах, выяснилось, что мой миленок не такой уж и спец. Точнее, спец, но в своих областях. И он далеко не всегда может мне объяснить некоторые непонятные моменты в Excel-е, Word-е, Access-е и других. Дело не в том, что парень совсем тупой. Просто он никогда с этими пользовательскими программами не работал. Он же программист.

Конечно, я поняла, что если ему понадобится, он это все освоит с пол-тычка, но Сергей уж больно нетерпеливый, поэтому ему не хочется разбираться, а хочется слету показать себя передо мной всезнайкой. А не получается. Вот он и раздражается.

Но я это и таким люблю, потому что знаю, что он – талантливый.

А если будет находиться в моих чутких дружеских руках,

я из него такого профессионала сделаю – все просто закачаются.

Да и надо-то немного. Заставить его прилично одеваться, научить питаться не только пивом с сигаретами и немножечко образован, чтобы он мог поддержать внекомпьютерный разговор в приличном обществе. Такой умнице, как я – это вполне по силам.

Прошло уже больше недели, а любимый не звонит ни в какую. Я, конечно, характер выдерживаю, но с каждым днем это делать все труднее и труднее. Наконец, звонит мой ненаглядный. Голос мрачный, как у слона во время сафари.

– Хай, – говорит.

– Здравствуй, Сережа, – официально отвечаю я, давая таким образом понять, что в наших взаимоотношениях еще не растаял некоторый ледок.

– В общем, – говорит он, – это... вот...

– Что «вот это»? – не понимаю я.

– Ну, – все мнется Сергей, – короче, вот.

– Сергей, – отвечаю я. – Не говорите загадками. Я от этого нервничаю. Что случилось? Неужели твой любимый компьютер пал смертью храбрых в неравной борьбе с Биллом Гейтсом?

– Ой, – пугается он. – Типун тебе под язык, чтобы он больше никогда не повернулся предположить такое.

– Ну тогда говори – в чем дело, – слегка начинаю раздражаться я. – А то все мычишь чего-то нечленораздельное...

Давай уж, дели члены-то. Не маленький.

– Короче, – решается он, – я предлагаю тебе на мне жениться.

– Ой, – слегка обалдела я. – А тебе что – предстоит операция по смене пола?

– Это еще почему? – не понимает он.

– Потому, милый! Ты над терминологией задумайся! Жениться – значит взять в жены женщину. Выйти замуж – значит пойти под венец с мужиком. За-муж. Понял? Так что уточни свое неожиданное предложение.

– Тьфу, блин, совсем я запутался, – говорит Сергей.

– Оно и видно.

– Замуж за меня выходи. Поняла? За – муж!

– То есть это, милый, означает, что ты предлагаешь мне руку и сердце? – продолжаю я вытягивать из него, словно клещами.

– Дык, ясный пень, – подтверждает Сергей. – Чего тут непонятного? Ир, ты же всегда быстро соображала. За исключением, разумеется, компьютера, – тут же подпускает шпильку он.

– А чего это вдруг тебя на женитьбу разобрало? – интересуюсь я, недовольная полным отсутствием романтики в таком важном разговоре.

– Ну, будем жить поживать, – задумчиво отвечает он.

– Ну?

– Ты обо мне будешь заботиться, – неуверенно говорит

Сергей.

– Так. Дальше.

– Будешь варить яичницу, жарить борщи...

– Ну, я слушаю.

– И НАКОНЕЦ ПРОГОНИШЬ ИЗ МОЕЙ КВАРТИРЫ ВСЕХ ЭТИХ ЧЕРТОВЫХ БАБУЛЕК! – неожиданно взрывается мой ненаглядный.

– Постой, – пугаюсь я. – Каких таких бабулек?

– Таких каких бабулек! – орет Сергей. – Из моего дома. Которых ты попросила взять надо мной шефство. Они уже неделю шефствуют, юннаты фиговы. Мне уже житья просто нет. Делай, что хочешь! Женись на мне, выходи замуж, усыновляй, но только прогони этот кагал из квартиры. Я уже на неделю сдачу программы задерживаю. Так скоро всех клиентов порастеряю.

– Подожди, да ты объясни толком – что происходит, – растеряно говорю я, но он, не слушая, проорал:

– Вот приходи и полюбуйся – что ты наделала, – и бросил трубку.

Во дела, думаю я. Интересно, чего же там происходит? Быстренько собралась, побежала к нему. На улице возле подъезда, как ни странно, сидит только одна вреднющая бабулька, которая в разговоры со мной вступить не захотела.

Пулей вбегаю наверх и остолбенело останавливаюсь у дверей его квартиры... Перед дверью лежит чистенький половичок, сделанный из сшитых друг с другом ковриков для мы-

ши, а на двери висит опрятная табличка, на которой аккуратным старушечьим почерком написано:

Инкоминг чат риквест – 1 звонок

Вот ар ю вейтинг фор – 2 звонка

Вивисектор Серезжа – 3 звонка

Ну, думаю, старушки взялись за дело со всей ответственностью. Звоню три раза, дверь открывает Сергей.

Боже! В каком он виде! Просто Павлик Морозов в тот момент, когда с него лепили скульптуру для весьма средней школы.

Одет в невероятно белую рубашку, накрахмаленную так, что смотреть он может только прямо, потому что голова в стоячем воротничке лежит, как банан в бутылке из-под кефира. На темные брюки наведены такие стрелки, что мой ненаглядный напоминает сразу два «Титаника», обходящие айсберг слева и справа.

– Ого! – произношу я, не в силах совладать с чувствами.

– Это все, что ты можешь мне сказать? – горестно отвечает Сергей. – Ты лучше зайди в квартиру, зайди. Мне интересно, какие восклицания у тебя родятся при виде царящего внутри разгрома.

Я захожу в квартиру... О боже! Бабульки, как видно, безумно стосковались по труду на благо обществу.

Комнаты – просто не узнать! Все вылизано, вычищено. Столы покрыты какими-то бесконечным салфеточками и полотончиками с рюшечками. Пол у него в квартире, как вы-

яснилось, паркетный.

Уж не знаю, чем бабульки его натерли, но я сразу себя почувствовала Наташей Ростовой на балу. На кухню зайти – просто страшно.

Кастрюли и сковородки блестят, раковина отмыта так, что даже можно понять, какого цвета было ее дно в момент выхода с конвейера.

– Видала? – простонал Сергей умирающим голосом. – Ты на компьютер посмотри, на компьютер!

Я поглядела... С ума сойти! Монитор накрыт кружевной салфеточкой, а на нем стоят семь слоников...

– Слоники! – заорал Сергей, не выдержав.

– Гейтс их задери! У меня на мониторе стоят слоники!

– Ну и слоники, – подтвердила одна из бабулек, которые в изобилии роились по квартире, непрерывно что-то убирая и натирая. – Чем тебе не нравятся слоники? Они счастье приносят.

– Ир, – мрачно сказал Сергей. – Делай, что хочешь, но чтобы этот дурной сон немедленно прекратился. А то мне придется эту квартиру спалить вместе с собой и бабушками. Другого выхода я пока не вижу.

– Постой, – говорю я. – Чего ты так разнервничался? Посмотри – какой порядок кругом. Неужели тебе самому не приятно? А слоников мы на принтер переставим...

– Какой, нафик, порядок? – заорал Сергей.

– Ты посмотри, что они наделали? – с этими словами он

выдвинул ящик стола.

Я аккуратно туда заглянула, но ничего особенного не увидела. Куча платок памяти, аккуратно перехваченные резинкой.

– И чего? – осторожно спросила я. – Резинка платы душит и не дает спокойно дышать?

– Очень смешно, – нервно сказал Сергей.

– Ты помнишь, как они у меня лежали?

– Конечно помню, – отвечаю я. – Кучками на кресле. Я же на них неоднократно садилась.

– Вот именно, – опять заорал Сергей. – Кучками! Отсортированные по размеру! Три кучки – по 16, 32 и 64 мегабайта. А бабульки их все свалили в одну! Как я теперь разберусь – где какой размер? На них же не написано!

– Сerez, – осторожно говорю я. – Но можно же проверить.

– Конечно можно, – со злостью отвечает он. – Вот я сейчас все брошу и буду весь день память проверять. У меня других дел нету, как память проверять. Боже мой, – тут он поднял глаза к небу, – у меня раньше же все было продумано! Садись на кресло, память вливается в джинсы, встаешь, 16-меговую память снимаешь с правой ягодицы, 32-меговую – с левой, а 64 мега висит в аккурат на копчике. Даже задумываться не надо! – тут он чуть не заплакал.

– Да ладно тебе, Сerez, – успокаиваю его я. – Хочешь, я снова все по квартире раскидаю, как было?

– Ага, раскидаешь, – с какой-то детской обидой в голосе

отвечает он. – Ты еще главного не видела.

Пойдем на кухню.

На стене кухни висит здоровенной колбасой чулок, набитый чем-то непонятным.

– Это что такое? – спрашиваю. – Лук, что ли? У меня бабушка так лук и чеснок хранит.

– Лук... – застонал Сергей. – Это видео и сетевые карты! Вот удружили бабульки, вот удружили! Как я их теперь оттуда достану? – и он стал раскачиваться из стороны в сторону, как системный администратор во время установки WindowsNT (Сергей мне показывал эту картину, выполненную неизвестным художником двадцатого века).

Тут я поняла, что ситуацию надо срочно брать под свой контроль, иначе мой ненаглядный с горя совершит какое-нибудь насилие над собой или бабулками...

Я быстренько собрала бабулек на построение, объявила благодарность от имени командования, поблагодарила за службу и сказала, что теперь завоеванная территория переходит под юрисдикцию постоянного контингента – т. е. меня. Бабульки довольно заулыбались, начали наперебой тараторить, хвастаясь своими подвигами мебели на ниве приведения медвежьей берлоги в божеский вид. Самая шустрая заявила, что они теперь будут приходить три раза в неделю. При этом со стороны кухни, где оставался Сергей, слышались горькие рыдания.

В общем, еле-еле мне удалось уговорить бабулек оставить

поле боя и не появляться здесь, пока я их не позову. Наконец, последняя бабка вышла из квартиры и захлопнула за собой дверь.

– Сереж, – сказала я осторожно. – Ну мало ли, какие проблемы в жизни бывают. Выдержим. Вдвоем – выдержим. Даже такую уборку. Ты не расстраивайся.

Он действительно начал потихоньку успокаиваться, а когда я сорвала салфетку с монитора, переставила слоников на принтер и включила компьютер, даже слабо улыбнулся.

– А знаешь, – доверчиво сказал он, – если отбросить в сторону массу всяких неудобств, в такой чистой квартире даже как-то легче дышится. Сразу хочется работать, работать, работать... – и с этими словами мой благоверный запустил на компьютере игру «Half Life».

* * *

После сеанса экзорсизма (изгоняния из квартиры бабULEK) я с Сергеем некоторое время не виделась. Он довольно тяжело переживал внезапно возникшую чистоту в своей квартире, поэтому с большим усердием день за днем заново покрывал всю полезную площадь своими платами, винтиками, кабелечками и книжными справочниками, а я... У меня тоже произошли кое-какие события. Но обо всем по порядку.

Сижу как-то вечером дома, читаю. Внезапно раздается

стук в дверь и одновременно со стуком в комнату влетает папашка.

– Нельзя, – говорю я по инерции. – Я не одета.

– Доча, – строго говорит папулька и садится ко мне на диван. – Тебе разве в институте не объясняли, что родителям врать не хорошо? Ты действительно бываешь не одета, когда отправляешься на дискотеку. А сейчас ты вообще даже одета в джинсы и свитер. Или ты отныне решила носить паранджу, чтобы мужчина до замужества не увидел твоего лица? Это ты напрасно, потому что лицо у тебя – вполне даже ничего. Родители постарались. Хотя, – тут он подпустил шпильку, – ты его скоро испортишь курением.

– Во-первых, – говорю я, – стук в дверь обычно делается для того, чтобы там же, в смысле – за дверью, выслушать ответ – можно ли войти или нельзя.

– А что такого, – возмущается папулька, – в том, что родитель решил зайти выяснить – чем дышит его кровиночка.

– Его кровиночка по-прежнему дышит вонючим московским воздухом, – язвительно говорю я. – Кроме того, вы еще не дослушали что там во-вторых...

– А что во-вторых? – интересуется папулька.

– Во-вторых, – невозмутимо продолжаю я, – может быть мой дорогой папулька сразу перейдет к цели своего визита? А то у меня Анастасия Каменская вот-вот схватит главного преступника за эти... как их...

– Да понял я, понял, – торопливо говорит папулька.

– А я не хочу пропустить этот волнующий момент, – заканчиваю я.

– Так ты что, – спрашивает папулька, и в его глазах появляется неподдельный ужас, – читаешь Маринину?

Я на него внимательно посмотрела, но ничего не сказала. Все-таки иногда я чувствую, что головой больше пошла в мамульку. Папулька у меня хоть и умный, но иногда такое брякнет... Остается только радоваться, что как правило это происходит в тот момент, когда рядом никого нет.

– Да, – говорю я очень спокойно. – Я читаю Маринину. Более того! Я даже иногда читаю Стаута и Гарднера. И даже, – произношу я совсем зловеще, – по выходным читаю **МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ!**

Папулька обмирает от моего зловещего голоса.

– Ну что? – ору я на всю комнату. – Пришел в ужас от глубины морального падения своей дочки, а?

– Постой, постой, – растеряно говорит папулька, – да я ничего такого не хотел сказать. Ну просто детективы – это же отстой...

– Плохие детективы – это отстой. А хорошие детективы – это средство расслабиться и получить удовольствие, – твердо заявляю я.

– Да я, в общем-то, и не спорю, – сдается папулька. – Но просто хочется, чтобы дочка могла поддержать разговор в приличном обществе. Не зря же я потратил такие дикие деньги на твое среднее образование.

– Среднее образование у меня, между прочим, было бесплатное, – напоминаю я.

– Это для тебя бесплатное, – язвительно говорит папулька. – А сколько я всего в твою школу перетаскал – не сосчитать. Тебе бы в жизни по истории пять не поставили, если бы я туда пятый том сочинений Ленина с его личным автографом не притащил.

– Ну да, – сказала я. – Помню-помню. Ты еще этот автограф полночи чернильной ручкой выводил.

– Нет, ну ничего себе! – возмутился папулька. – И это называется дочерняя благодарность?

– Дочерней бывает компания, – говорю я. – А благодарность бывает заслуженной или незаслуженной.

– Слушай, – сказал папулька, – ты меня совсем заболтала. Я же к тебе пришел с целью что-то сказать.

– Я внимательно слушаю, – говорю я. – Вероятно, ты решил сказать, что настолько вдохновлен моими успехами в институте, что на лето отправляешь дочурку отдыхать на Канары.

– Дались тебе эти Канары, – рассеянно говорит папулька, пытаясь что-то вспомнить. – В Сочи отдохнешь не хуже.

– Ну значит, – говорю я, – ты пришел побеседовать со мной о литературе.

Тут папулька бросает взгляд на мой книжный шкаф, читает название одного из корешков и говорит с таким возмущением, как будто уличил меня в диком преступлении: – Ага-

а-а-а-а! «Поколение Пе». Так ты Пелевина читаешь?

– Ну да, – лениво говорю я. – Почитываю. А что?

– Я вчера слушал передачу, – торжественно говорит папулька, – так один умный человек говорил, что Пелевина за писателя не считает, потому что он, мол, о России пишет без боли.

Я некоторое время внимательно смотрю на папульку и ничего не говорю.

– Что? – начинает он нервничать. – Что ты так смотришь?

– Знаешь, папульчик, – говорю я. – А если бы у Толстого не было обязательного для всех великих писателей геморроя, он бы тоже писателем не считался по классификации твоего «умного» человека?

– При чем тут Толстой? – защищается папулька. – Толстой был огромной глыбой, матерым человечием. Ведь если подумать, то до этого графомана настоящего мужика в литературе-то и не было...

– Это Горький был огромной глыбой, – поправляю его я. – А Толстой был лучом света в темном царстве.

– Ну да, – говорит папулька. – И для Светы он был луч, и для Тани, – тут он посмотрел на меня, – и даже для Иры должен был стать лучом света, но Ира у нас читает Маринину и всякого Пилявина.

– Ты, папуль, чего-то путаешь, – говорю я. – Пилявин – это из «Песняров». «Молодость ма-а-а-ая-я-я-я, Белоруссия-я-я-я», – завываю я на всю квартиру.

– Да не ори ты так! – закричал папулька, который действительно не выносит моего пения. Я так думаю, что это у него какое-то генетическое отклонение.

– Во-первых, – говорит папулька, – в «Песнях» был не Пилявин, а Мулявин. А во-вторых, умный мужик совершенно прав. Пелевин – это не литература.

– А что это? – интересуюсь я. – Написано на бумаге. Люди читают. Значит литература.

– Пелевин это... – задумывается папулька, явно вспоминая слова этого умника из радио, – это результат бездуховности, вот! – торжествующе выдает он.

– Папуль, – ласково говорю я, – ты вчера же преферанс играл, да?

– Ну да, – подтверждает папульчик. – Преферанс по пятницам с деловыми партнерами. Святое дело.

– И, небось, пили там во время преферанса? – все так же ласково спрашиваю я.

– Понятное дело, что пили, – подтверждает папульчик. – Мы же русские люди. Почему бы не выпить в тяпницу, тем более, что этот день недели так и называется.

– По-моему, Борис Натанович, – говорю я, – вы все-таки не очень русский человек. Прямо-таки скажем – совсем не русский. Поэтому за вас наша общая мамулька замуж и вышла.

– Ну, не русский, зато руссифицированный, – спорит папульчик.

– Ладно, – говорю, – проехали вопрос вашей национальности.

– И вашей, между прочим, тоже, – добавляет папульчик.

– Моя национальность определяется по мамулькику, – парирую я.

– Это у евреев она определяется по мамулькику, – продолжает спорить папульчик.

– Вы что-то имеете против евреев? – осведомляюсь у него я.

Папульчик потрясенный замолкает.

– Вот так, – удовлетворенно говорю я. – Продолжаем допрос. Так вы, дорогой папульчик, во время преферанса выпили.

– Ну, не без этого, – признает папульчик. – Как полагает. Но никто не напивался. Свои 500–600 грамм, и все.

– Понятно, – говорю я. – После этого вы вернулись домой в состоянии летающих аквалангистов...

– Я не люблю, когда ты используешь выражения нашего с тобой общего мамулькика, – поморщившись, говорит папульчик.

– Сели на кухне, – продолжаю я, не давая себя сбить, – после чего домотались до радио, прям как пьяный папульчик до радио. Так?

– Что за выражения? – возмущается папульчик. – Я просто слушал радио.

– Вот и я об этом. А в пьяном состоянии, дорогой роди-

тель, вам радио слушать вредно, — объясняю я. — Любой бред на тебя производит неизгладимое впечатление.

— Это почему это? — защищается папульчик.

— Да потому что, — говоря я. — Заявился ко мне в комнату непонятно зачем, сначала набросился на Маринину, затем и вовсе на Пелевина, а чего тебе надо — я так до сих пор и не поняла.

Папульчик задумался.

— Слушай, — наконец сказал он. — Я вспомнил!

Я подкинула в воздух книжку Марининой.

— Это что такое? — подозрительно спросил папульчик.

— Кричали женщины ура, — объяснила я, — и в воздух чепчики бросали.

— Понял, — сказал папульчик. — Короче говоря, я вчера на преферансе познакомился с классным молодым парнем.

— Ну? — подозрительно сказала я.

— Что ну? Классный, говорю, парень.

— И что? Ну не тяни ты, а то меня аж в дрожь бросает от твоих классных парней.

— Такой классный парень, — в третий раз повторил папульчик, и я сделала вид, что сейчас книжка Марининой полетит в него, — что я его на завтра пригласил к нам на ужин.

Я даже замолчала на минуту, слегка обалдев от такой новости.

— Зачем? — спросила я осторожно.

— Как это зачем? — удивился папульчик. — Чтобы ты с ним

познакомилась. Должна же у тебя быть какая-то альтернатива этому Сергею компьютерщику.

– А что в твоём преферансном даровании такого альтернативного? – поинтересовалась я.

– Молодой парень... – начал папульчик.

– Сергей тоже молодой, – прервала его я.

– Отлично одевается, зарабатывает деньги и вообще – выглядит, как принц, – торжествующе заявил папульчик.

Я промолчала. Что мне на это было сказать?

– К тому же, – продолжил папульчик, – работает химиком.

– Ой, – сказала я. – Вечно в грязном халате и пальцы обожжены кислотами. Ничего себе ты вариант любимой дочурке откопал.

– У него перспективное химическое производство, – заявил папульчик. – Вместо халата – костюм от Картье, а пальцы – как у пианиста. И в твоей любимой компьютерной технике разбирается, насколько я понял. Так что ты бы не отказывалась, а? – просительно сказал он. – Я же его уже пригласил, хоть и спяну. Но он запомнил и сегодня уже звонил сказать, что завтра придет.

– Ладно, – сказала я. – Посмотрим на твоего протеже. Заодно будет чем Сергея подразнить, чтобы этот медведь не расслаблялся. Только учти, – и я папульчику строго погрозила пальцем, – я не даю никаких гарантий. Если парень окажется полным дебилом, получит по полной программе.

– Да не надо мне никаких гарантий, – заторопился папуль-

чик. – Я же для тебя стараюсь. Чтобы, так сказать, не было безальтернативных выборов. Но я тебя прошу – ты с ним все-таки помягче...

– Ладно, – говорю я. – Как получится. Но в знак уважения к папульчику накрашусь и надену красивое платье.

– Спасибо, доча, – сказал папульчик, клюнул меня в щеку и заявил: – Ну, мне пора работать.

– Передай привет своему Lines-у, – сказала я, на что папульчик рассеянно кивнул, в уме находясь уже на пути к своей любимой игрушке, и выскочила из комнаты.

Ну и ладно, подумала я. Посмотрим завтра на этого химика. Может и правда на Сергее свет клином не сошелся?

На следующий день я не стала особенно краситься и прихорашиваться, хотя папульчик раз пять вбегал ко мне в комнату, хмурил брови и орал на весь дом:

– А поворотись-ка, дочку! Экий ты у меня попастый стал!

После чего получал диванной подушкой по голове и убегал обратно по делам подготовки торжественного ужина. Кстати, они с мамулькой готовились к визиту этого химика так, как будто ко мне должен был приехать свататься принц Уэльский или, на худой конец, наследный принц какого-нибудь скромного, но нефтеносного государства. Мамульчик готовила некую фантастическую рыбу (она у нас большой специалист по рыбным блюдам), а папульчик колдовал над своим коронным пловом.

Когда я зашла на кухню, работа была в самом разгаре. Па-

пульчик с мамульчиком вихрем носились по кухне и негромко переругивались, когда их интересы сталкивались (я имею в виду, когда они сталкивались попами, повернувшись каждый к своему блюду).

— А что это у нас такая суета на кухне? — невинным голосом спросила я. — Такое ощущение, что приходит официальный жених просить руки. Вы меня там, случаем, уже замуж не отдали?

— Уйди, доча, не мешай, — строгим голосом сказал папулька. — Никто тебя замуж еще не отдал, но молодого человека следует встретить по полной программе. Он парень непростой, но и мы тоже в грязь лицом не ударим.

— Кстати, — всполошилась мамулька. — На тему в грязь лицом: Боря, ты торт купил, как я просила?

— Ой, — сказал папулька.

— Что ой? — закричала мамулька. — Что мы теперь на сладкое будем подавать, а? Бутерброды с хреном, что ли?

Папулька задумался. Потом изрек:

— А давай сделаем изящный ход конем. Вместо сладкого устроим небольшой домашний концерт. Ирка что-нибудь почитает, споет. Может быть, на своих фортеплясах сыграет какого-нибудь Мендельштама...

— Папульчик, что с вами? — я даже рот открыла от удивления.

— Я на инструменте последний раз в шестом классе играла.

Нет, конечно если парень окажется страшнее атомной войны, то я готова прямо сразу исполнить не только Мендельсона, но и еврейский народный спиричуэлс, чтобы парень исчез, как дуновение ветерка... Но если он все-таки окажется более-менее, то я не рискну открывать крышку этого раздолбанного рояля.

– Чего это он раздолбанный? – возмутился папульчик. – Я за него дикие деньги отдал.

Мамульчик отчетливо хмыкнула, а потом затряслась в беззвучном смехе.

– Мам, ты чего? – спросила я.

Папулька бросил на мамульку гневный взгляд, намереваясь что-то сказать, но только открыл рот, как мамулька заявила:

– Да ладно тебе. Дочка уже выросла и ей можно сказать, что этот рояль ты купил за 50 рублей у сторожа ее же школы. Он чуть не надорвался, бедный, когда один пер инструмент к нам на седьмой этаж.

– Ой, – сказала я. – Так вот почему у нас уроки пения все время под баян проходили. А я-то думала, что это такая новая прогрессивная методика.

Папульчик стоял посреди кухни и вид у него был явно сконфуженный. Но в этот момент ожил дверной звонок.

– Это он! – вскрикнул папульчик, обрадовавшись, что можно сменить тему разговора. – Прическу поправь, – строго сказал он мне и побежал открывать.

Я на всякий случай взглянула в зеркало, пытаюсь понять, что именно мне надо поправить в причёске, ведь я всего пару дней назад постриглась «под мальчика», но затем поняла, что папулька высказался в аллегорическом смысле, поэтому отправилась в коридор посмотреть на этого подающего надежды химика.

Боже мой! Что это? Что за чудо природы папулька за-тащил в наш дом?!?! Парень выглядел так, как будто стилю одеваться он учился из американских боевиков. Невероятный серебристый пиджак с искрой, шелковая рубашка с шейным платком (такие, по-моему, не носят уже лет десять), черные брюки и мокасины, которые обычно в фильмах носят сутенеры. Еще он ухитрился свои черные волосы тщательно зализать гелем назад, от чего стал похож на прогоревшего с отменой сухого закона бутлегера.

Да и лицо его на меня не произвело яркого впечатления. Хитрая, вытянутая вперед мордочка с темными бусинками глаз. Я-то думала, что это будет человек науки, в глазах которого отражается безбрежный полет мысли, а у этого хорька в глазах отражалось только мое глубокое декольте.

– Здравссст... – сказала я.

Химический хорек расплылся в улыбке и сразу стал еще на порядок противнее.

– Здравствуйте, милая дама! – прогундосил он и полез слюнявить мне ручку.

Ненавижу эти рюкастые поцелуи. Уже почти сто лет отме-

нена эта дурацкая манера «целовать дамам ручки», так находятся еще придурки, которые думают, что могут таким образом произвести впечатление.

– Знакомься, дочь, – сказал папулька торжественно.

– Это Игорь Борисович. Работает в химической промышленности. Весьма подающий надежды молодой человек.

– Да я, собственно, – сказал хорек и надулся от гордости, – все надежды уже подал. Теперь отбираю обратно, – и он застыл, вероятно в ожидании бешеного взрыва смеха.

– Хи-хи, – деликатно сказал папулька, но под моим суровым взглядом быстро потух.

– Изольда, – представилась я.

Папулька от неожиданности икнул, но поправлять меня не стал.

– Очень приятно, – несколько растерянно сказал хорек. – А как, простите, будет уменьшительно-ласкательно от «Изольда».

«Ни фиги себе шустрый хорек оказался», – подумала я и спокойно ответила:

– Изя. Уменьшительно-ласкательно от Изольды будет Изя. Воцарилось неловкое молчание.

– Ну, друзья, – делано веселым тоном сказал папулька, – раз мы перезнакомились, прошу к столу.

Папулька повел хорька к столу, а я направилась на кухню к мамульке, чтобы ей пожаловаться. Мамулька меня внимательно выслушала, но посоветовала не торопиться с вывода-

ми.

– Ты бы видела своего дорогого папочку в его юные годы, – сказала она спокойно. – Я-то за него замуж вышла только потому, что всю школу за ним наблюдала и знала его скрытый потенциал. А в свои 20–25 лет он выглядел – как полный поц. Но деньги уже тогда зарабатывал вполне неплохие.

– Так ты за него вышла из-за денег? – разочаровано спросила я.

– Ну вот еще, – фыркнула мамулька. – Вокруг меня перспективных поклонников роилось – вагон и маленький бронепоезд. Просто папулька, в отличие от них, был наполнен совершенно неумной жадой деятельности и энергичностью.

Кроме того, ты же не будешь спорить с тем, что он – очень веселый и с ним не соскучишься.

– Да, уж, – подтвердила я. – С нашим папулькой чтобы соскучиться – надо очень постараться.

– Ну вот, – кивнула мамулька. – Так что ты подожди пока делать скоропалительные выводы. Я с Борей согласна, что у тебя должна быть возможность выбора. А то вцепилась в своего компьютерного Сережу и уже ни на кого внимания не обращаешь. Ты не подумай, – заторопилась мамулька, – я против него ничего не имею. Парень вдумчивый, увлеченный, да и профессия у него вполне современная и востребованная. Но нам с папой хочется, чтобы ты не принимала поспешных решений. К тому же, – добавила она, – сделай

приятное папульке. Он же сам привел этого парня. Хотя бы из уважения к отцу продержись один ужин. Не понравится – значит не судьба. Но сплеча не руби. Присмотрись сначала. Может быть, он не так уж плох. Подумаешь, волосы назад зачесаны и пиджак с искрой. Может, он просто от смущения.

– Ладно, – ответила я. – Там видно будет. Но если он еще ляпнет какую-нибудь глупость, я за себя не отвечаю. И пускай папулька меня своими глазами хоть продырявит насквозь.

– Договорились, – сказала мамулька, подхватила какое-то очередное блюдо, и мы с ней отправились в гостиную.

Ужин начался, как говорится, в официальной и чопорной обстановке. Папулька с мамулькой почему-то немного смущались, поэтому и друг к другу, и даже ко мне обращались на «Вы» и как-то очень высокопарно. Например, папулька изрекал:

– Ирина, дочь моя, не будете ли вы столько любезны передать мне вон то блюдо с острой приправой?

На что я лениво реагировала:

– Хрен, что ли, подкинуть? Ну, так бы и сказал.

Химик тоже чувствовал себя не в своей тарелке среди этих викторианских отношений, но папулька усердно подливал коньячку и ему, и себе, так что через какое-то время лед растаял, Игорь расслабился и даже стал принимать участие в беседе. Папулька затеял было свой любимый разговор о том, что молодежь сейчас, как ни странно, не такая уж и плохая,

как можно было ожидать после многолетнего и массового отравление «Кока-колой», но химик тему не принял, а стал рассказывать анекдоты, мерзко подхихикавая. Причем рассказывал он такие древности, которые я еще в первом классе докладывала папушке за ужином.

Было интересно посмотреть на реакцию родителей. Врожденная интеллигентность и чувство гостеприимства не позволяли им выражать гостю свое неодобрение и возмущение, поэтому надо было делать вид, что все эти окаменелости, которые он выкладывал с крайне довольным видом, очень смешные. Мамушка, впрочем, сразу стала хлопотать вокруг стола, показывая своим видом, что, мол, анекдоты весьма забавные, но она смеяться не успевает, потому что надо срочно менять тарелки. Папушке же ничего не оставалось, как делано улыбаться и кивать головой.

Этот Игорь, все-таки, довольно тупой. Достаточно один раз увидеть искусственную улыбку на лице папушки, чтобы потерять всякое желание увидеть ее еще раз. Я сама-то такую улыбку увидела один раз, когда к нам домой неожиданно появился участковый милиционер. Папушка тогда услышал звонок, весело побежал открывать, распахнул дверь и застыл с улыбкой на лице, увидев за дверью человека в милицейской форме. Папушка же работает директором в довольно крупной частной фирме. А в частном бизнесе, как он говаривал, всегда приходится опасаться властей, милиции и налоговых инспекторов... Так вот, заведев милиционера па-

пулька сбивчиво стал спрашивать, мол, чем обязаны и все такое, продолжая держать на лице все ту же приклеенную улыбку. Милиционер насторожился, но объяснил, что пришел по вопросу трупа под нашим окном, который обнаружили еще летом, когда мы всей семьей уезжали на отдых.

– А-а-а-а-а! – заорал папулька, начав улыбаться уже нормальной улыбкой. – Так вы, товарищ капитан, по вопросу трупа под нашим окном? Ну и отлично! Вот и замечательно! Проходите, пожалуйста, в комнату, не хотите ли чайку, кофейку...

Кстати, тот капитан был довольно симпатичный. Мы с ним тогда часа два протрепались о его тяжелой и опасной работе, о всяких кинофильмах, а потом он спросил... Впрочем, чего-то я отвлеклась.

Короче говоря, этот Игорь все рассказывает и рассказывает свои дебильные анекдоты, папулька делает вид, что ему очень смешно, а мамулька уже подняла здоровенную супницу и по ее виду я понимаю, что эту супницу она сейчас опрокинет Игорю на голову.

– Игорь, – внезапно говорю я громко. – Позвольте поинтересоваться. А что у вас за химическое производство? На чем специализируетесь? Фармакология, взрывчатые вещества, красители, парфюмерия?

Тот резко остановился, как будто на всем скаку врезался в стену, оторопело посмотрел на меня, затем задумался, после чего изрек:

– На чем, Изольдочка, спрашиваете, я специализируюсь? Я, дорогая, специализируюсь только на одном: на счастье человеческого.

– Это в каком смысле.

– Продукт, – начал объяснять хореk, – который я произвожу, очень нужен людям. Без него, можно сказать, ни одного дня человечество обойтись не может.

– Ни одного дня человечество не может обойтись без секса, – провоцирую его я. – Вы что, презервативы производите?

– Правильнее говорить – «кондомы», – встревает папулька, радуясь, что беседа приняла другое направление.

– При чем тут секс? – возмущается Игорь. – Есть вещи поважнее, чем секс.

– Но этих вещей так мало, – притворно вздыхаю я.

– Доча! – строго говорит папульчик. – Чего это тебя вдруг на секс потянуло? Игорь Борисович говорит совсем о других вещах.

– Ну, в принципе, конечно да, – протянул Игорь, – разговор сейчас не о сексе. Хотя, – он развеселился, – эта область человеческой деятельности меня тоже интересует. Но, – он еще больше развеселился, – не в профессиональном плане.

– Так чего производите-то? – спросила я грубо, потому что этот хореk меня раздражал все больше и больше.

– Чудесную минеральную воду, – ответил Игорь Борисович.

На некоторое время воцарилось молчание.

— В каком смысле — минеральную воду? — осторожно спросил папульчик, для которого это сообщение, как было видно, явилось такой же неожиданностью, как и для меня.

— В прямом, — ответил хорек.

— То есть, — вступила в разговор я, — вы ее где-то добываете из скважины?

— Да нет, — спокойно ответил хорек. — Мы ее добываем из обыкновенного водопровода.

Снова воцарилось молчание.

— И что? — спросила я.

— Ничего. Берем водопроводную воду, очищаем ее через фильтр, добавляем туда пищевую соль, соду и определенный набор всяких разных минеральных солей, разливаем в пластмассовые бутылки и поставляем на склады.

Папульчик подозрительно посмотрел на бутыл с «Боржом», которая стояла на столе.

— И как называется эта «целебная и натуральная минеральная вода»? — спросила я, придав своему голосу максимум язвительности.

— Да по-всякому, — улыбнулся хорек. — «Боржом», «Ессентуки», «Горячий ключ», «Нарзан» и так далее.

— Ничего себе! — я уже просто кипела от возмущения. — Так вы просто подделываете минералку, заколачиваете на этом деньги, да еще и гордитесь этим жульничеством?

— Вы, Изольдочка, просто не въезжаете, — снисходительно

начал объяснять хорек. – Думаете, что в бутылки всегда разливали всякие натуральные «Боржоми» и так далее, да?

– Ну конечно, – несколько растеряно сказала я. – А что же еще туда наливали?

– Да чего только туда не наливали, – сказал Игорь. – Откуда вы знаете, что туда попадало на самом деле? Половину воды вообще набирали из горных речек.

– Ну и что? – парировала я. – В горных речках вода – просто шикарная. Не то что в нашем водопроводе, где вся таблица Менделеева содержится.

– Можно подумать, что эти горные речки такие уж стерильные, – фыркнул хорек. – Может быть, туда горный козел пописал...

Папулька в этот момент поперхнулся здоровенным куском рыбы, который неосмотрительно засунул себе в рот.

– Может быть, в речку охотники накидали сигаретных бычков, пролили туда машинное масло или еще чего похлеще, – продолжал Игорь и глаза у него разгорелись, как у Ленина во время выступления на броневике. – И вы всю эту гадость будете пить? Ну уж нет! Лично я этого позволить не могу, потому что человеколюбив, – и хорек, весьма довольный собой, откинулся на спинку стула.

– По-вашему получается, что водопроводная вода намного чище горной? – поинтересовалась я.

– Нет, конечно, – согласился хорек, – но у нас же делается очень мощная очистка.

– Каким образом? – полюбопытствовала я.

– Знаете, на развалах фильтр такой продается, который прямо на кран насаживается? – спросил Игорь.

– Ну знаю.

– Так вот он у нас воду и очищает, – торжественно заявил этот негодяй.

Я на него посмотрела во все глаза, но парень явно не издевался, а говорил от чистого сердца.

– А... – начала я, – а сколько вы литров воды в день делаете?

– Да где-то под тонну, – ответил этот гад.

– И как часто меняете фильтр?

– Не реже раза в месяц, – твердо ответил хорек. – Потом, вы не думайте. Я же не зря МХТИ оканчивал. Все делается строго по науке. Вода получается даже полезнее, чем просто очищенная водопроводная. Ну, соль и сода туда добавляются просто для вкуса, чтобы обычную минеральную напоминало, но мы в бутылки еще добавляем набор всяких разных солей, которые очень полезны для организма. Причем все делается строго дозировано. У меня там мужик один работает – ну просто самородок. Он все эти соли в ведре намешивает, и представляет – прям из ведра отсыпает строго отведенную дозу.

– Ир, – сказал папульчик. – Ты мне водички не передашь? Что-то в горле пересохло.

– Тебе «Боржоми», – иронично спросила я, – или «Нар-

зан»?

– Ой, – сказал папулька, набухал себе в рюмку коньяку и залпом выпил.

– Слышь, Игорь, – нервно сказал папулька. – Так я же заходил к тебе в офис, когда долг отдавал. У тебя же там все чистенько, аккуратненько. Компьютеры-мампыютеры и никаких мужиков с ведрами.

– Так понятное дело, что никаких ведер, – ответил хорек. – Это же офис. В офисе делаются бумажки и подсчитываются доходы. А для разлива воды у меня несколько подвальных помещений по всей Москве арендовано.

– Компьютеры, говорите? – снова вступила в разговор я, радуясь, что можно сменить тему. – И под какой операционной системой работаете?

– Да черт ее знает, – отмахнулся хорек. – Какая разница? Я вообще этих железок не касаюсь.

– Это еще почему? – оскорбилась я. – Не доверяете техническому прогрессу?

– Балда это все, а не технический прогресс, – заявил Игорь Борисович. – Моя вода минеральная – вот это технический прогресс! Вот это бабки! А компьютер – это же большая дура, которая умеет только складывать и вычитать. Но, правда, делает это быстро.

Тут я внимательно посмотрела на супницу, которую незадолго до этого мамулька вертела в руках. Хорошая супница. Красивая. Обидно, конечно, будет ее расколотить о башку

этого хорька, но для хорошего человека ничего не жалко.

– У меня там парень на компьютерах работает, – продолжал разглагольствовать хорек. – «Сисадмин» называется. Я его уволю скоро. Вот вы, Изольдочка, говорите – технический прогресс, – обратился он ко мне. – А парень, заметьте, целыми днями сидит и ничего не делает. Это, по-вашему, технический прогресс? Я ему сколько раз говорил: «Серег! Еще раз увижу, что ты вола пинаешь, уволю к чертовой матери!». Так он – нет чтобы сделать соответствующие выводы, еще начинает спорить и доказывать, что самый лучший сисадмин – ничего не делающий сисадмин.

– Так оно и есть, – подтверждаю я. – А вы что хотели? Чтобы он целыми днями носился по офису, поднимая рухнувшую сетку? У хорошего сисадмина все должно работать так, чтобы его вмешательство не требовалось. Если у админа есть работа, значит не работает сетка. Если сетка работает, значит у сисадмина работы нет, и он – хороший сисадмин. Ему за то деньги и платят, чтобы сетка работала. А если сетка работает, то ему делать нечего.

– Слушай, – поразился хорек. – Ты прям слово в слово говоришь так же, как и он. Но и это, – добавил он, – не помешает мне его в скором времени уволить.

Тут хорек замолчал и потрясенно посмотрел на меня.

– Или я что-то путаю, – наконец сказал он, – или у моего Сереги на компьютере твоя фотография висит.

Вот тут воцарилось настоящее тяжелое молчание.

– Ир, – разрядил тишину папульчик очень ласковым голосом, – ты бы отнесла на кухню супницу. Чего она здесь пустая стоит?

Я медленно поднялась с места, взяла супницу (папулька сделал зверское выражение на лице, мол, не смей!) и... отправилась с ней на кухню. Там мамулька яростно мыла посуду, грохая тарелки в раковину так, что было не очень понятно, как они не разбивались.

– Тебе он тоже не понравился? – спросила я осторожно.

– Не понравился? – возмутилась мамулька. – Да я эту сразу больше сюда и на порог не пушу!

– Ага, – согласилась я. – Это надо же – делает поддельную минеральную и еще этим гордится.

– При чем тут минеральная?!? – заорала мамулька. – Этот негодяй сожрал мою рыбу так, как будто это какой-то хек или минтай! И ни одного слова не сказал о том, что это за наслаждение! Со мной такое в первый раз! Все люди в этом доме с ума сходили от моей готовки, а этому Игорю Борисовичу что кусок черствого хлеба, что осетрина с грибами – один хрен, – и мамулька снова бросила в раковину очередную стопку тарелок. – Вот сейчас папа Боря его проводит, так папе Боре сразу кто-то что-то отвыкнет в моем лице. И сегодня папа Боря, – повысила голос мамулька, – будет спать в гостиной на диване!

– Это еще что, – сказала я нервно. – Оказывается, мой Серега работает у этого троглодита.

– Да? – поразились мамулька.

– Именно!

– Вот это номер!

– Не то слово!

Наконец, мы с ней сошлись на том, что во всем виноват папулька, который затащил этого хорька в наш дом, после чего папульке минут двадцать перемалывались косточки со всех сторон. Вдруг дверь кухни раскрылась и на пороге возник сияющий хорек, позади которого семенил мрачный папулька.

– Что ж, друзья, – сказал хорек. – К сожалению, мне пора идти. Дела, знаете ли.

– Надо проверить, не пересыпал ли мужик в водичку цианистого калия? – с невинным видом поинтересовалась я.

– Юмор? – догадался хорек. – Юмор я ценю и люблю. Вы не поверите, у меня тоже иногда появляется желание в одну бутылку сыпануть крысиной потравки и посмотреть – кому эта вода достанется. И я чувствую, – с таинственным видом сказал он, – что отравится обязательно плохой человек.

Высшие силы, – он поднял палец вверх, – не дадут отравиться хорошему человеку! Так что я в данном случае буду выступать в качестве перста судьбы.

Пока я искала глазами по кухне – чем бы быстренько трахнуть по голове этот кривой палец судьбы, мамулька быстро спросила:

– А вы сами-то, Игорь Борисович, какую воду пьете?

– Я? – поразился он. – Я пью французскую «Перье».

– А свой продукт, – изображая полный наивняк, спросила мамулька, – почему не употребляете, раз там столько полезных вещей?

– Да у меня здоровье и так хорошее, – объяснил хорек. – Зачем переизбыток здоровья делать? Много хорошо – тоже нехорошо.

– Ну, – громко сказал папулька, за спиной хорька изображая процесс его удушения. – Давайте прощаться!

Игорь Борисович церемонно направился к мамульке и в своей обычной церемонной манере стал обслюнявливать ей руку, приговаривая, что уже давно не ел такого вкусного минтая, от чего мамулька то бледнела, то зеленела от злости и кидала такие взгляды на папульку, что тот уже и не мечтал дожить до ночи в целости и сохранности.

Зато у меня родилась очень удачная мысль.

Пока этот придурок слюнявил руку мамульке, я взяла очищенную половинку луковицы, которая лежала на кухонном столе, и сильно-сильно натерла ею руку. Так что когда этот хорек притопал со мной прощаться и с разбегу присосался к моей руке, я испытала просто истинное удовольствие. Лук весьма помог максимально сократить процесс прощания, потому что у хорька из глаз покатились крупные слезы, и он только и смог пробормотать, что такая реакция вызвана горечью расставания с этой прекрасной семьей, после чего быстро ретировался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.